

ПОЕЗД

ПОВЕСТЬ

В. В. Путину посвящается

1

Женщина проснулась от грохота колес. Похоже, поезд на полной скорости влетел на цельнометаллический мост над оврагом с протекающей внизу речушкой, промахнул его и понесся дальше, с прежним ритмичным однообразием постукивая на стыках рельсов, но звучное биение металла о металл проникло в сонное сознание и пробудило его.

Женщина перевернулась на живот, приподнялась на локте и, отведя угол шторки, посмотрела в окно. За окном была полная темь, ни огонька, казалось, поезд завис в этой ночной темени, как в бездне – ни вперед, ни назад, висит в ней, никуда не двигаясь, – и только тяжелое грохотанье под днищем вагона напоминало о том, что на самом деле поезд летит, стремится себя вперед, глотает километры пути, отбрасывая их назад перемолотым пространством.

– Да уж когда же приедем! – произнесла она вслух.

Совсем негромко произнесла, почти про себя, едва проколебав воздух у губ, но с верхней полки ей ответили:

– Никогда!

Со смешком, с внятной иронией, впаиванной в этот смешок подобно игривой летней мушке в кусок льда, и мужчина, поняла она по звучанию голоса, свесил к ней с полки голову.

Мужчина был ее мужем, она знала в нем все – от цвета надетой майки до формы родинки в левом паху – и, даже не видя его в темноте, представила, как вокруг головы у него вырос светящийся серебристый нимб из распавшихся на пробор длинных прямых волос.

– Не шути так! – сказала она в полный голос, поднимая голову к нему в темноту. – Который час, знаешь? А то я что-то не соображаю ничего. Может, пора вставать?

Вверху полотняно всхлопнуло отброшенное в сторону одеяло, мужчина заворочался, с сухим шорохом завопил по стене рукой, отыскивая выключатель ночника, тот, наконец, щелкнул, и на оконные шторы брызнуло мерклым, режущим глаз своим тщедушием светом.

– О-оо! – воскликнул мужчина с экспрессией. – Ничего мы дрыхнем. Конечно, пора вставать. Десять часов проспали. Куда еще!

Он скинул вниз ноги, соскочил на пол, прошлепал по нему и с маху хлопнул ладонью по выключателю лампы под потолком. В одно мгновение вокруг стало светло – снова до болезненной рези в глазах.

Женщина не чувствовала в себе сил вставать.

– Ты шутишь, – сказала она, прикрываясь от света рукой. – Какие десять часов! Я совсем не выспалась.

– Я шучу, я шучу, – пропел мужчина, скача на одной ноге и всовываясь другой в штанину. – Я шучу, тобой верчу и деньгу я молочу!

– Много ты денег намолотил, – с живостью отозвалась на его песенку женщина.
– Сиди уж!

– Ради красного словца не пожалеем и отца, – с ответной живостью ответил ей мужчина, продолжая танец с брюками. У него никак не получалось стоять на одной ноге.

– Скоморох, – проговорила женщина, отнимая руку от глаз. Те приспособились к свету, и больше их не резало.

Теперь мужчина промолчал. Похоже, ему хотелось отбрызнуть женщину какой-то резкостью, но он сдержался.

– Нет, неужели десять часов? – ноюще произнесла женщина. – Я совсем не выспалась, совсем! – Говоря это, она тем не менее столкала с себя к ногам одеяло и, охая, спустила вниз ноги, села на полке. – Помню, как легко поднималась молодой, – сколько ни поспи.

– А я ничего не помню, не помню, не помню! – выкрикнул мужчина. – Я не был ни молодым, ни еще каким. Я просто был, и был, и был!..

– Нет, я была, – потягиваясь и зевая, сказала женщина. – Какая я была молодая, молодая, молодая!

Она не собиралась передразнивать мужчину, но получилось, что передразнила – как бы спародировала его, – женщина осознала это и рассмеялась.

– Ты и сейчас еще самый цимус, – обнял ее за плечо, помял мужчина. Он решил, что она передразнила специально, и ему это понравилось. – Нечего тебе охать, кто охает – у того жизнь аховая.

Теперь промолчала, не ответила женщина. Выражение ее лица свидетельствовало, что ей бы хотелось сказать очень много, но она держит себя в руках и ничего не скажет.

Мужчина взял со столика у окна, застеленного хлопчатобумажной салфеткой, зубную щетку с тюбиком пасты, прозрачный полиэтиленовый пакет с просвечивающим сквозь него бритвенным станком, сдернул с поручня полотенце и, прокрутив рукоятку щеколды, открыл дверь в коридор.

– Давай присоединяйся ко мне, – бросил он женщине, переступая порог.

Шагая покачивающимся пустынным коридором, отчего его несколько раз бросало то на одну, то на другую стенку, мужчина подумал мимолетно: как странно, так пусто. Прежде в коридоре, когда проходил им, всегда был народ, кто стоял у окна, вглядываясь в проносящиеся мимо пейзажи, кто просто сидел на откидном сиденьи, кто разговаривал, оборотившись друг к другу лицом и перегородивши проход, а теперь – никого, никого из раза в раз, никого, никого, никого, повторилось в нем.

А, ночь же, сообразил он следом, взглядывая неволью в окно. Там все так же стояла гулкая темь, поезд раскачивался в ней, будто подвешенный. Но в тот же миг, как мужчина посмотрел в окно, поезд снова проколотил по мосту – вроде того, что разбудил их с женой, – и этот звонкий мгновенный гул напомнил собой о безустанном движении поезда по определенному для него колею пути.

Купе проводника стояло открытым, но самого проводника в нем не было. Лежала на столике пачка сигарет марки «Винстон», газовая зажигалка, развернутый на середине глянцевого журнала с яркими фотографиями – и это все, что свидетельствовало о его присутствии в вагоне. Мужчина не видел проводника уже очень давно, целую пропасть времени. Когда сажались в поезд, проводником был усатый рябой старик – взгляд, случайно наткнувшись на него, тотчас в страхе отскакивал в сторону – так суров, так грозен был старик, чувствовалось: что не по нему, не понравишься – выведет в тамбур, отомкнет дверь наружу и выкинет на полном ходу, без всякой жалости. Потом усатого сменил лысоголовой, толстопузый, постоянно кричавший непонятно что, бегавший по вагону из конца в конец с чаем в

подстаканниках и заставлявший всех пить чай независимо от того, хочет кто или нет; его сменил густоволосый, густобровый, с улыбчивым жизнелюбивым лицом, этому было все равно, пьют у него чай или не пьют, ему все было все равно, и он часто вообще исчезал из вагона; и новые проводники, заступавшие на дежурство после него, вели себя похоже.

Но когда мужчина, умывшись, почистив зубы, побрившись, вышел из туалета и направился обратно в купе, проводник сидел на своем месте, курил, облокотив руку с сигаретой о стол, шурился от вьющегося дымка, закидывая голову назад, и листал журнал с яркими фотографиями. Это был еще вполне молодой человек, много моложе своих предшественников, и вместе с тем удивительно на них на всех – не на каждого в отдельности, а именно на всех сразу – похожий. Мужчина остановился в проеме двери и, старательно улыбаясь, поприветствовал проводника.

Тот поднял от журнала глаза, отнес руку с сигаретой подальше в сторону и молча уставился на мужчину. Взгляд у него был холодный и как бы сонный. У мужчины внутри от этого взгляда невольно продрало морозцем.

– Чаю можно? – спросил мужчина, продолжая старательно улыбаться.

– Чаю? – переспросил проводник, словно не понял.

– Чаю, – подтвердил мужчина, снова лоя себя на том, что по спине у него ознобно ползут мурашки.

– А хочется? – спросил проводник.

На лице у него при этом появилась улыбка. Как бы он и без того знал, что хочется, полагал это желание слабостью, но, впрочем, слабостью простительной.

– Хочется, – опять подтвердил мужчина.

– Ну, хочется, значит, будет, – окончательно простил ему его слабость проводник, продолжая улыбаться. – Идите. Ждите.

И вновь склонился к журналу перед собой, поднес руку с сигаретой к губам, затаился, всасывая внутрь щеки.

– Идите, идите, – сказал он затем, взяв сигарету изо рта и взглядывая на продолжавшего стоять в дверном проеме мужчину. – Сказал, что будет, значит, будет. Ждите.

Возвращаясь к себе в купе, мужчина чувствовал, что у него сделалась танцующая походка. «Чай. Будет. Ждите. Будет. Чай», – повторял он про себя в ритм этому танцу. Ему ужасно хотелось чаю. Именно от проводника, в фигурно-резных металлических подстаканниках, со звенящими ложечками в тонкостенных стаканах, с брошенным внутрь твердым кубиком рафинада, рассыпающимся на дне в вулканообразную горку. Как не ценили, когда тот лысоголовый носился по коридору, навязывая всем щедро нанизанные веером на пальцы темноянтарные парящие стаканы. Отталкивали его руки, захлопывали перед ним двери, ругались, высмеивали за глаза, рассказывая про него анекдоты.

Женщина уже поджидала мужчину, сидя перед зеркалом и расчесывая щеткой волосы. Вид у нее был посвежевший. Пока он брился, она успела сгонять в другой туалет, умыться там и вернуться. Она у него вообще была быстрая.

– Краситься пора, – сказала она вошедшему мужчине, не отрываясь от зеркала. – Волосы как растут – ужас. Опять все корни седые.

– Давай покрасься, – поддержал ее мужчина. – Конечно, нечего с сединой ходить.

– Да? Покрасься? – Теперь женщина посмотрела на него. – А где денег взять? Краска сейчас, знаешь, сколько стоит? Есть у тебя деньги?

– Почему у меня, – недовольно пробормотал мужчина. – У нас общие деньги. Не попей немного свой кофе – вот и сэкономишь на окраску.

– Без кофе я не могу, ты прекрасно знаешь, – отпарировала женщина.

Мужчина вспомнил о своей радости.

– Проводник обещал нам чай, – доложилась он. – Сказал, подождите немного, обязательно будет.

– Что ты говоришь?! – ответно вспыхнула женщина.

При всей ее страсти к кофе чай от проводника – это для нее тоже было не меньшей радостью, чем для мужчины. Чай от проводника – это был чай от проводника!

– Да, да, – подтвердил мужчина. – Шел сейчас мимо, он там сидит у себя, попросил – он говорит, будет, ждите.

– Подождем, подождем, – как пропела женщина, стремительно начиная взбивать волосы надо лбом, чтобы скрыть седину у корней. Закончила взбивать и так же стремительно убрала щетку куда-то с глаз долой. – Ждем, ждем! – повторила она. И обратилась к мужчине: – Хлеб доставай. Ножи. Порежем сейчас сырок. И колбаски еще осталось...

Мужчина, мелькая сверкающим никелем ножа вверх-вниз, вверх-вниз, быстро порезал хлеб, вареную, ненатурального оранжевого цвета колбасу, сыр, пристававший к никелю будто оконная замазка, женщина разложила все по тарелкам, расставила их на столике так, чтобы свободно поместилось бы еще четыре стакана; прошло изрядно времени – но проводник не появлялся.

– Он тебе точно обещал принести? – спросила женщина.

– Ну а как же! – вскинулся мужчина.

– А ты случайно не пошутил? – Женщина смотрела на мужчину с язвительной улыбкой созревшего подозрения. – По своему обыкновению.

– Ага, я! – воскликнул мужчина.

Он сорвался с места, открыл дверь и выскочил в коридор. Из коридора рвануло холодным воздухом, тоской пустого пространства, подобного бескрайней пустыне.

Мужчина стремительно прорезал собой это пространство, влетел в теснину перешейка, ведущего к тамбуру, – дверь служебного купе была плотно закрыта. Он с ходу дернул ее за ручку, дверь поехала в сторону, раскрываясь, – купе было девственно пусто. Все сияло чистотой, порядком, нигде ни единого следа пребывания здесь кого бы то ни было. словно никогда здесь никого не было и не должно было быть.

Мужчина вошел вовнутрь, постоял в растерянности. Подергал дверцу шкафчика, за которой полагалось стоять стаканам, – та не поддавалась. Он снова огляделся. Как если бы проводник был гномом и мог каким-то фантастическим образом здесь спрятаться.

Но проводник гномом точно не был, и спрятаться ему здесь было негде. Хоть предположи, что его здесь и в самом деле не было и он тебе просто примерещился.

Мужчина выступил из купе обратно в теснину перешейка, ведущего к тамбуру, и подергал дверцу шкафчика, скрывавшего собой титан с кипятком. Во всяком случае, чтобы заварить чай, в титане должен был находиться именно кипяток.

Однако и эта дверца оказалась закрыта.

Мужчина шел пустынным коридором, и у него было чувство, он не идет, а тащит себя. Разбежался! Чаю ему в подстаканнике! Вскипяти воду кипятильником и завари сам – какой у тебя есть. Барин нашелся: подайте ему!

– Что? – увидев его, все поняла женщина. – Не будет чая? Я так и знала. Нечего было и ждать.

Мужчина сорвался на крик – не понял, как это с ним случилось.

– Что ты знала?! Что ты знала?! Все ты всегда знаешь! Знала, так чего ждала?!

– Ну, я надеялась, – уступая, напоминая самой себе поджавшую хвост собаку, произнесла женщина.

– Надеялась она! – рявкнул мужчина.

– Да, все обман кругом стало, все обман. – Женщина изо всех сил старалась, чтобы голос ее звучал как можно миролюбивей. Она боялась мужчину, когда он становился таким. Невменяемым, говорила она про себя.

– Вот именно, – остываяще проронил мужчина. – А тебе все выглядеть умнее других хочется. Продемонстрировать себя! Что демонстрировать. Сама такая же.

– Такая же, такая же, – с прежней уступающей интонацией отозвалась женщина. Вытащила свернувшийся кольцами анаконды проржавело-бурый кипятильник с длинным черным хвостом провода, достала стеклянную литровую банку и протянула мужчине: – Наберешь воды в туалете?

– Куда денусь, – уже стыдясь своего крика, принял мужчина банку из ее рук. – Наберу. Конечно.

2

Жираф появился, когда они допивали чай. Осталось только на самом дне банки – коричневая муть взвеси с крошевом чаинок внизу. Он появился из-под стола, на котором у них был разложен завтрак. Высунул оттуда свои антенные рожки, покрутил головой вправо-влево, показывая мужчине с женщиной, что он – вот он, прополз немного на коленях и, подтянув короткие задние ноги, встал в полный рост.

– Мое явление собственной персоной, – проговорил он. – А собственно, если не собственной, то как по-другому?

– Вот именно, – тотчас, наставительно откликнулась женщина.

– Ладно, нечего выкаблучиваться, – сказал мужчина. – Пришел, и хорош. Чаю будешь?

– Вы же знаете, я не употребляю, – ответил жираф и тут же наклонил голову к столу, всунул своей узкой длинной мордой в банку, наклонил ее и с шумом втянул в себя мутную взвесь. – Фу! Фу! – отфыркиваясь, выбрался он из банки. Толстые его негритянские губы брезгливо кривились, ноздри топорщились в стороны. – Оставили одну гадость. С вами так и в самом деле перестанешь употреблять.

– «Употреблять» – это не про чай принято говорить, – с прежней наставительностью сказала женщина. – Это про чай принято говорить, – с прежней наставительностью сказала женщина. – Это про чай принято говорить, – с прежней наставительностью сказала женщина. – Это про чай принято говорить, – с прежней наставительностью сказала женщина.

– А я полагаю, и про чай, – невозмутимо парировал жираф. – Сенца вы мне, случаем, не припасли?

Мужчина усмехнулся. Этот вопрос адресовался ему, не кому другому.

Он молча поднялся со своего места, снял с полки над дверью чемодан, расщелкнул замки и, откинув крышку, достал изнутри несколько картонных аптечных коробок с лекарственными травами.

– Что у нас может быть, – отправив чемодан обратно на полку и принимаясь вскрывать коробки, сказал он. Склеенные картонные створки отдирались одна от другой с хлопающим сухим треском. – Вот, мать-и-мачеха от кашля. Зверобой, общеукрепляющая. А вот валерьянка. Корни валерьяны, в смысле.

– Я не котяра какой-нибудь, мне не вредно, не возбужусь, – замороженно уставясь на коробки в руках мужчины, сказал жираф. – Могу и валерьянку.

– Ну, можешь, так и давай, – сказала женщина.

Теперь это было произнесено ею с покровительственностью.

Жираф не ответил ей. Он уже изнемогал, его так и водило из стороны в сторону предвкушением гастрономического блаженства. Ему даже прикрывало от этого предстоящего блаженства глаза.

– На, – поставил перед ним вскрытые коробки мужчина. – Сено не сено, но не солома точно.

В ответ ему жираф издал только задышливое урчание. Губы его были погружены в коробку, он торопливо работал ими там внутри, и коробка от их движения шевелилась на столе, ездил вперед-назад, будто живая. Пергаментная бумага внутренней упаковки издавала звонкий шелестящий звук, как если бы сопротивлялась жуящим губам, но без надежды сохранить свое содержимое.

Во всяком случае, такое сравнение пришло в голову мужчине. Смотрел на жирафа – и вот подумалось.

– А ты говорила, не будет он валерьянку, – поглядел мужчина на женщину. – За милую душу!

– Ну он же не котяра какой-нибудь, – защитилась женщина. Так, словно высказала свою собственную, выношенную мысль, а не повторила сейчас просто слова жирафа.

Жираф закончил с последней коробкой, выдохнул воздух, сдвинул ее с морды, и удовлетворенно помотал головой:

– Райское наслаждение. Ради этого мгновения стоило жить.

Женщина фыркнула.

– Вот, ради такого – тоже, – сказал жираф. – Люблю, когда удается поднять настроение друзьям.

– Да, надо признаться... – начал было мужчина и махнул рукой, решив не вспоминать заново о неудавшемся чаепитии с подстаканниками.

Жираф подогнул задние ноги и опустился на пол.

– Ну, расскажи что-нибудь, – попросила его женщина.

– Непременно, – кивнул жираф. – Готовится указ о производстве всех жирафов в генералы, слышали?

Он сказал это – и сам же, не выдержав, захохотал.

– А? Что? – спрашивал он сквозь смех. – Неплохо я буду выглядеть с погонями? Тем более генеральскими. А в генеральской фуражке для моих рогов пробьют специальные отверстия. А как на мне будут глядеться генеральские штаны с лампасами!

Мужчина, слушая жирафа, похмыкивал, посмеивался вслед ему, но женщину шутка жирафа не проняла и не понравилась.

– Очень интересная новость, – сказала она. – Слышали уже. Правда, будут производить не в генералы, а в золотари. Шея у вас длинная, будете ведро на веревке таскать. Вверх-вниз, туда-сюда.

– Ну зачем ты так, – поморщился мужчина. Ему стало неудобно за нее перед жирафом.

Но жираф не обиделся.

– В Америке, – сказал он, – изобрели кастрюлю, которая варит без всякого огня. Поддерживает стоградусную температуру в течение целых полутора часов! Молодцы американцы, да?

– Да что американцы. – Женщина пожала плечами. – Известное же дело, никакие не американцы, а какие-нибудь китайцы, или японцы, или наши же эмигранты. Американцы сами ни до чего додуматься не могут.

– Ну, это я не соглашусь, – упрямо помотал головой жираф. – И могут, и додумываются, и еще как. Я америкоман, и не скрываю этого. Великая нация!

– Великая, кто ж спорит, – подтвердил мужчина.

Но жирафу хотелось именно поспорить.

– И не убеждайте меня в противоположном, не надо. Все равно не убедите, – играя голосом, сказал он. – Американцы – великая нация, а вот испанцы, например, – это так себе.

– Это вдруг почему? – удивился мужчина.

– Или французы? – вопросительно произнес жираф. – Сальвадор Дали, художник этот, он кем был? Жил во Франции, но был испанцем? Или все же французом?

- Испанцем он был, испанцем, – подсказала женщина.
- Ну вот, значит, все правильно, значит, я испанцев имел в виду, – сказал жираф.
- Да почему же они «так себе»?! – не выдержав, воскликнул мужчина.
- Потому что этот Дали нарисовал горящего жирафа, – ответил, наконец, жираф. В голосе его кипел металл. – Он не мог придумать ничего более выразительного и отвечающего правде жизни. Почему жирафа? Вот ответьте мне, почему жирафа?

Жираф просидел у мужчины и женщины больше часа, может быть, даже больше двух или трех, они переговорили обо всем на свете – не умолкая, перебивая друг друга, торопясь сказать о своем, не помянув и десятой части того, что хотелось сказать; разговор их длился, длился – но вдруг мужчина поймал себя на том, что уже какое-то время беседует с пустотой. Жираф исчез, словно растворился в воздухе, – так же неожиданно, как появился. Был – и не стало, и осознать его исчезновение удалось далеко не сразу.

Мужчина прервал себя на полуслове и посмотрел на женщину. Она задремала. Сидела, сложив руки на груди крест-накрест, а голова ее склонилась к плечу. Корни волос у нее действительно были седые, седину эту не мог скрыть никакой начес. Жалко, что уснула. Даже не уточнишь, когда же жираф прервал свое гостевание.

Дверь с грохотом откатилась в сторону, на пороге возник проводник. Он был одет по всей форме – как ему полагалось: с черным форменным галстуком под воротами ворота белой форменной рубашки, черный форменный китель застегнут на все пуговицы, и те надраены до ослепительного солнечного сияния.

– Ну так что же за чаем-то не пришли? – спросил он.

В голосе его была прощающая благожелательность. Но и порицание: нужно было прийти!

– Так ведь вы же сказали – ждите! – ошарашенно вскинулся мужчина. Ощущая одновременно, что от слов проводника в нем возникло и разрастается чувство вины.

– Когда я сказал – ждите? – с резко обострившимся порицанием произнес проводник.

– Ну вот... когда мы разговаривали... тогда. – Мужчина потерялся; он уже не был вполне уверен, что проводник говорил это слово – «ждите». Может быть, и не говорил?

– Что-то вы не так меня поняли, – холодно сказал проводник. И спросил через паузу: – Так что, будете брать чай?

Мужчина не знал, как ему отказаться, чтобы не обидеть проводника. Не брать же было чай из вежливости, когда так надулись своим из банки.

– Я... вы понимаете... я заглянул... мне показалось, что вы забыли... вас не было... – забормотал он.

Проводник холодно смотрел на него, в глазах его было всякое отсутствие интереса к объяснениям мужчины, и мужчина совсем потерялся, сбился с мысли – и смолк.

– В следующий раз пусть вам не кажется, – сказал проводник. – Не знаете толком, что вам нужно, нечего беспокоить. – Ноздри его пошевелились, он втянул носом воздух: – Чем это у вас тут пахнет? Псиной, что ли?

– Какой псиной, что вы?! – испуганно проговорила женщина. Голоса мужчины с проводником разбудили ее, она ошалело хлопала глазами, ничего, судя по всему, не понимая, но «псиная» – о, это слово тотчас заставило ее сделать стойку.

– Не знаю, какая псина, – пристально оглядывая купе своим холодным взглядом, ответил проводник. – Смотрите! Чтоб никаких собак в вагоне! Проездные документы не оформлены. Без проездных документов не положено. Ссажу с поезда – и гуляйте.

– Нет, что вы, какие собаки, какие собаки! – торопливо, незаметно для себя впадая в интонацию женщины, заприговаривал мужчина. – Где вы видите каких собак, что вы! Запах, вам показалось? Это мы ели, сыр не очень свежий...

– Сыр? – переспросил проводник. – Ну ладно, пусть сыр. Но собак чтоб... чтоб ими не пахло! – Ему понравилась собственная шутка, и он усмехнулся. – Да? Поняли?

– Поняли, поняли! – одновременно закивали мужчина и женщина.

Проводник постоял еще мгновение в дверях, потом молча отступил назад и бросил дверь в косяк. Собачка замка, входя в гнездо, звучно хрюкнула, стенка от удара содрогнулась, полка под мужчиной и женщиной отозвалась ответным сотрясением.

– Ох, я испугалась! – приложила руку к груди женщина. – Я думала, приятель наш здесь. Думала, ну проводник сейчас увидит его!

– Да, и меня продрало, – признался мужчина. – Даже и не знаю, почему. Вдруг, думаю, что-то поймет. Хотя этого нашего и след простыл.

– Простыл! А он вон что-то учуял.

– А и вовсе от нашего никакой псиной не пахнет, – сказал мужчина. – Что он учуял...

– Интересно, – проговорила женщина, – если бы он пришел чуть раньше и увидел его? Что бы тогда?

– А-а! – экспрессивно вскинул руки мужчина. – Думать еще об этом! Увидел бы и увидел.

Женщина помолчала.

– Он бы его не увидел, – сказала она затем.

– То есть? – Мужчина не понял.

– Не увидел бы, потому что никому, кроме нас, увидеть его не дано. Он только наш.

– Так вот, да? – пробормотал мужчина. – Ну что ж, хороший способ, чтоб успокоиться. Если помогает, почему не верить.

– Нет, это точно, точно, – с убежденностью произнесла женщина.

Мужчина согласно покивал:

– Да верь, верь. Я не против.

3

Поезд все так же гремел колесами, рвал пространство перед собой, отбрасывал его назад, все той же жгуче-непроглядной оставалась тьма за окном.

– Люди, верящие в свои достоинства, считают долгом быть несчастными, дабы убедить таким образом и других и себя в том, что судьба еще не воздала им по заслугам, – читала женщина, далеко, на расстояние вытянутой руки отходя от глаз книгу. Читать без очков было ей тяжело, но она хотела именно читать, а не слушать, как будет читать мужчина. Очки у нее уже изрядное время назад разбились, следовало, конечно, приобрести новые, но скопить денег на покупку новых все пока не получалось, и она пыталась обходиться без них. – Точно как, да? – дочитав, подняла женщина глаза на мужчину. – Замечательно точно. Вот еще, послушай: – Нам дарует радость не то, что нас окружает, а наше отношение к окружающему, и мы бываем счастливы, обладая тем, что любим, а не тем, что другие считают достойным любви.

Мужчина зевнул. Потянулся.

– Замечательно, – подтвердил он. – Согласен. Ни слова неверного. – И снова потянулся, до хруста в суставах. Он уже знал всю мудрость этой захваченной в дорогу книги едва не назубок. – Если б мне за мое согласие еще бы и работенку какою-нибудь подкинули.

– Кому ты нужен, – безжалостно ответила женщина. – Живи на пенсию.

– Никому не нужен, – вновь подтвердил мужчина. – И ты тоже.

– Ну... и я тоже, – с запинкой произнесла женщина. И добавила с решительностью: – Нечего поэтому и говорить об этом.

– Само получается, – не оправдываясь, через паузу, сказал мужчина. Побарабанил пальцами по колену, вскинул руку резким движением вверх и уронил обратно на колено, снова пробарабанил пальцами. – Когда уж мы приедем!

– Ты же говорил, никогда?! – тотчас, с радостью уличения, вскинулась женщина.

– Мало ли что я говорил, – отозвался мужчина. – Когда-нибудь, конечно, приедем. Весь вопрос в том – когда?

Он забросил руки за голову, откинулся назад, к стенке, и закрыл глаза. Посланный через вагонный корпус, через кости кистей на затылке, в голову ему ударил стук колес о рельсы. Бам-бан, двойным ударом гремели колеса в голове, бам-бан, бам-бан.

Когда-то, помнилось мужчине, в бесконечной дали молодости, им очень хотелось попасть в этот поезд. Страстно хотелось. Они тогда жили в будке стрелочника, выскакивали к пронсящимся мимо составам то с флажком в руке, то с фонарем – в зависимости от времени суток. В сутках тогда были и день, и ночь, свет сменялся тьмой, а тьма – снова светом, с завидной регулярностью, и когда опускалась тьма, то повсюду вокруг зажигались огни – десятки, сотни огней, и уже не было разницы: день ли, ночь ли, свет, тьма. Но так всякий раз, когда выскакивали из будки на приближающийся грохот очередного состава, точило завистью к тем, кто промелькивал мимо за вагонными окнами, так сжимало тоской сердце, такое наваливалось отчаяние, что никогда не удастся подняться по рифлёным железным ступенькам, оказаться внутри, пройти длинным, украшенным цветной ковровой дорожкой коридором к своему купе, занять положенные места...

Все, однако, получилось само собой. И поднялись, и прошли, и заняли. И, как теперь понимал мужчина, иначе не могло быть. Просто настала их пора сесть в поезд – и кто мог помешать им в этом? Если билеты на руках, а поезд останавливается перед тобой, двери распахиваются, и проводники выходят из тамбурной тени в готовности впустить тебя внутрь...

Как они были счастливы оказаться в поезде! Как жадно вглядывались в пронсящие за окном пейзажи, которых из будки стрелочника никогда бы не увидели. А сколько у них было друзей! Ходили из одного купе в другое, и приходили к ним, толклись шумной толпой в коридоре, так что даже тот первый проводник-усач, когда ему случалось проходить мимо, не решался сказать ни слова замечания.

– Пойди прогуляйся, отоварься чем-нибудь на обед, – извлек мужчину из воспоминаний о прошлом голос женщины. – Развеешься ко всему прочему.

Мужчина открыл глаза. Нет, прогулка за продуктами вовсе не могла доставить ему радости. Суррогат действия, пустая мышечная активность, не дающая душе ровным счетом ничего.

Но препираться с женщиной не хотелось. Да и кому-то в конце концов нужно было сходить «отовариться».

– Давай прогуляюсь, – согласился он.

– А я, пока ты ходишь, постираю белье, – сказала женщина. – А то совсем грязное стало, давно пора постирать. Постираю, да?

– Постирай, конечно, – равнодушно благословил ее мужчина.

Дорога за продуктами пролегла через ресторан. Последнюю пору проходить через ресторан было все равно что протаскивать себя через строй. Раньше мужчина и женщина нередко позволяли себе обед в ресторане; не то чтобы они были его завсегдатаями, но именно что позволяли. Однако уже довольно изрядное время они не могли разрешить себе его посещения. А в нем все больше и больше становилось незнакомых лиц, прежние знакомые практически исчезли, и когда проходил за продуктами, хозяева столов все как один вперились в тебя взглядами, провожали из конца в конец, на обратном пути внимательно изучали содержимое твоей авоськи, и всегда взгляды эти были недоуменно-недоброжелательны и даже враждебны. Словно ты безо всякого права вторгся на чужую территорию и странно, что не осознаешь этого. Впрочем, ресторан и в самом деле сделался как бы особой территорией: в нем теперь сидели вот уж точно что завсегдатаи – одни и те же люди из раза в раз, и удивительным образом все они были похожи друг на друга: хмуро-подозрительным выражением лиц, неизменным взглядом исподлобья, – казалось, они готовы в любую минуту вскочить и ударить тебя.

И сейчас, прежде чем растворить дверь в ресторанный зал, мужчина мгновение постоял перед нею, внутренне собрался, как бы взнуздая себя, натянул струной – чтобы пройти сквозь этот строй с деревянным бесчувствием. Рычажная ручка поддавалась нажатю руки, дверь отплыла в сторону, и мужчина шагнул внутрь.

К его удивлению, ресторан оказался тих, пуст, зал его зиял едва не такой же провальной тьмой, как та, что стояла за окном. Она не была такой же из-за горевшей на одном из столов в середине зала большой настольной лампы под широким зеленым абажуром; лишь этот стол и был занят – тускло освещалось несколько лиц, ходили над тарелками руки с поблескивающими ножами и вилками, раздавался легкий стук металла о фарфор, позванивал хрусталь, гудели негромко голоса.

Замечательно, подумал мужчина обрадованно. Темнота – это ему было на руку. Кто бы и как на него ни глядел, он будет невидим для них, недосыгаем для их взглядов, – только звук шагов, и ничего больше.

Он двинулся по проходу между столами, но успел сделать каких-нибудь три шага, – откуда-то из темноты вынеслась вдруг, обдав бурным дыханием, большая жаркая масса. Мгновение – и правая рука мужчины оказалась завернута за спину, да так, что его согнуло пополам, а изо рта вылетел хриплый судорожный вскрик.

– Кто такой?! Что надо?! – обжигающим кипятком прорычала масса над ухом.

– Вы... вы!.. Я... Вы что!.. Отпустите!.. – забился мужчина.

– Я тебя сейчас отпущу! – было ему ответом, и руку мужчине завернули так, что из него снова вывалился безобразный клокочущий крик и он перегнулся в поясе едва не до пола.

– Кто там? Что ему нужно? Как он прошел? – услышал мужчина – и понял, что это спрашивают те, из-за стола.

– Я... как обычно... за продуктами... – сумел он выдать из себя.

За столом дружно грохнули. Смех был кичливый и издевательский.

– За продуктами он! Похавать захотел! Обнаглел вконец! В дурачка играет! – доносилось до мужчины.

– Ну-ка подволок его сюда поближе! – выделившись из других, приказал затем чей-то голос.

Масса, пригибавшая мужчину к полу, поддала ему под зад коленом, одновременно отпустив завернутую руку, и мужчина полетел вперед, заперебирал ногами, стремясь удержаться, не упасть, но не получилось, и он так, с маху, рухнул перед столом на пол, ударившись о него лицом. Лицевые кости тотчас отозвались на удар горячей болью, в носу словно бы просквозило, и мужчина почувствовал, как наружу из носа хлынуло.

Вытащив руку из-за спины, он оперся обеими руками о пол, встал на колени, закинул голову назад и зашарил в брючном кармане, отыскивая платок.

– Что вы сделали!.. – глухо промычал он в ослепительную тьму перед собой.

– Сейчас еще получишь, – коротко ударили его сзади в затылок, так что голова мотнулась вперед и кровь, рванувшись из носа обильной струей, забарабанила перед мужчиной об пол.

– А, знаю его! – услышал мужчина чей-то голос.

Он, наконец, сумел вытащить из кармана платок, зажал нос и попытался сфокусировать зрение, чтобы увидеть сидевших за столом. В конце концов ему это удалось.

Их было человек пять за столом. Или шесть. Точнее мужчина посчитать не мог. Это были проводники. Все в форме, в галстуках, только по случаю трапезы кто расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, а кто и пиджак. Один из этих пятерых или шестерых был проводник его вагона. Это, конечно же, он и сказал, что знает мужчину.

Мужчина ощутил, как его прошило радостью.

– О, это вы! – воскликнул он. Из-за того, что приходилось зажимать платком нос, вышло у него это довольно невнятно. – Что тут такое? Что происходит? Я за продуктами...

– Заткнись! – оборвал его один из сидевших за столом. Может быть, тот, что приказал подтащить поближе. – Не гундось. Что, не знаешь, что продуктами в поезде больше не торгуют?

– То есть? Как это? – спрашивал было мужчина – и смолк. Его сковал страх перед новым ударом по затылку. Ведь ему было велено заткнуться.

За столом в несколько голосов всхотнули.

– Ну ладно, ладно, что смеяться над человеком, – увещевающе проговорил знакомый голос проводника из вагона мужчины. – Не знал! Не сказал ему никто. А радио не слушал. Забыл включить. Или испорчено.

– Испорчено? – прекращая смеяться, сурово спросил мужчину из-за стола один из проводников.

– Или не включено? – перебивая его, спросил тот, что приказывал подтащить поближе, а потом – заткнуться.

– Не включено, – подтвердил мужчина.

– Это почему?! Должно быть включено! Кто разрешил выключить?! – разом с возмущением проговорило несколько проводников. У одного от возмущения рука с ножом даже вскинулась вверх – словно он собирался броситься с ним на мужчину.

Тот, что велел мужчине заткнуться, видимо, старшинствовавший у них, а может быть, и бывший начальником поезда, медленным тяжелым движением повернулся в сторону проводника из вагона мужчины.

– Ты как следишь? – с этой же тяжелой медлительностью, что была в его движении, проговорил он. – Почему у него радио выключено?

– Не доследил, – тотчас отозвался проводник из вагона мужчины. На выдохе, с покаянностью, с интонацией самобичевания. Он опустил руки с ножом и вилкой по обеим сторонам тарелки, вытянулся над нею как бы по стойке «смирно». Губы у него подобрались, в глазах стояло выражение осознания своей вины. Искреннее и прочувствованное.

Старшинствовавший, а может быть, и начальник поезда, подержал на нем свой тяжелый взгляд еще и снова повернулся к мужчине.

– Почему выключаешь радио?

– Голова болит, – сказал мужчина.

– От чего, от радио?

– От радио, – подтвердил мужчина.
– А таблетку от головной боли принять?
– Зачем же таблетку, когда можно просто выключить, – прогундосил мужчина. Он почувствовал, кровь остановилась, отнял платок от носа, а следом обнаружил, что по-прежнему стоит на коленях и так, коленопреклоненно, разговаривает с ними. Словно какой-нибудь раб. Его мигом подняло с коленей, было мгновение – опажнуло страхом: снова заломят руку и снова бросят на пол, но этого не случилось, и его опажнуло новой волной радости. – Просто выключить – и никакой головной боли, – с этой радостью подтвердил он свои предыдущие слова.

Старшинствовавший за столом, бывший, возможно, начальником поезда, повернул голову к проводнику мужчины и, морща губы, покачал головой:

– Слышал? Я такого – чтоб больше ни разу. Разберись.
– Непременно. Обязательно. Все будет как должно, – продолжая сидеть по стойке «смирно», с глазами, полными осознания своей вины, быстро проговорил проводник.

– Пошел. Кругом марш, – глянув на мужчину, бросил старшинствовавший, возможно, начальник поезда.

– Простите! – выкрикнул мужчина. – А продукты? Как же продукты? Где их теперь покупать?

Ответом ему был новый взрыв хохота.

– Где ему покупать! Наглец! Ну, ни хрена будто не соображает! Хоть кол ему на голове теши!.. – хохотали сидевшие за столом.

И теперь проводник мужчины не предпринял попытки заступиться за него.

Потом проводник, что первым задал мужчине вопрос о радио, с той же суровостью, что спросил: «Испорчено?» – наставил на него указательный палец:

– Все! Кончилась лафа! Устраивайтесь кто как может. Кто как хочет. Хватит, напоззались тут! Что, ресторан проходной дом вам? И нечего больше бухтеть, сказано – пошел!

Жаркая масса, бурно дышавшая в темноте рядом, вновь надвинулась на мужчину, взяла его за плечо и, развернув, двинула обратно к тамбурной двери – откуда пришел. В мужчине все возопило протестом, мысленно он отшвырнул от себя своего конвойного, вмазал его в стенку, вытолкал в окно, втрамбовал в колеблющийся под ногами, гудящий пол, но на самом деле куда ему было против этой горы мышц! Он стиснул зубы – и, ведомый направляющей рукой пышущей жаром массы, покорно проследовал к выходу.

4

Женщина, когда мужчина распахнул дверь в купе, сидела на полу. Со втянутой в плечи головой, беспомощно вскинутыми перед лицом руками – словно от кого-то защищаясь. В глазах ее, когда она метнула взгляд на вошедшего мужчину, он увидел ужас.

Слова гнева и возмущения, с которыми мужчина спешил к ней, чтобы рассказать о происшествии в ресторане, истаяли с языка, не сложившись в звуки. Он все понял. Она и в самом деле защищалась.

– Опять здесь? – бросился он к женщине. – Где?!

И увидел.

Американец, от которого защищалась женщина, висел под потолком, в самом его центре – подобно пауку в середине своей серебристой паутины. Только, в отличие от паука, он сам весь был серебристый – точно перистые облачка в летний день на высоком голубом небе, – и особо серебристым, просто ослепительно серебристым был круг стремительно вращающихся лопастей над ним. Он имел

облик большого, крупноголового вентилятора о трех длинных, изогнутых наружу лапах, и все в этом его облике: и мощные широкие лопасти, то скрытые раздвижным решетчатым чехлом, то вольно распахнутые наружу, и невероятно длинные конечности, на которых он умудрялся передвигаться быстро и ловко, ничуть в них не путаясь, и сам корпус, респектабельно-изысканной, тяжеловесной линии, – все это так и заявляло о себе: американец! американец! американец!

– Вон! – закричал мужчина, хватая со столика у окна лежавший там столовый нож и угрожающе вскидывая руку с ним к потолку. – Пошел вон отсюда, скотина!

Американец под потолком, слушая его, саркастически усмехнулся.

– Личную инициативу нужно проявлять, – без всякой видимой связи со словами мужчины, с некой механической заученностью изрек он оттуда. – Больше ответственности брать на себя. Слишком инертны!

– Вон! – повторил мужчина, вновь взмахивая ножом. – Получишь от меня! Я – не она, получишь по первое число!

Американец появлялся у них уже не в первый раз. Весьма не в первый. И всякий раз вел себя вызывающе агрессивно. Сначала, когда только объявился, он умел лишь по-английски, вещал-вещал что-то со строгим учительским видом – и на ветер, мужчина с женщиной непонимающе разводили руками. То, что они не понимали его, вызывало у американца негодование, он бешено вращал лопастями, возмущенно притопывал, сыпал искрами короткого замыкания. Когда он впервые позволил себе употребить силу, мужчина с женщиной расценили это как род шутки. Но «шутки», хотя американец вполне овладел русским, стали повторяться, и мужчина не выдержал. Он ответил американцу. Даже и с перехлестом – накипело. После этого довольно долгое время американец не возникал. А когда начал появляться вновь, то неизменно в его отсутствие. Донимал женщину нравами, агрессия была из него фонтаном – и у женщины не доставало сил дать ему надлежащий отпор.

– Инертны! Слишком инертны! – снова воскликнул американец и, со свистом ругая воздух блистающим кругом лопастей, стремительно ринулся вниз.

Мужчина невольно присел, схватил женщину в охапку, прижал к себе, прикрыл собой – насколько то было возможно. Американец сияющим серебристым густым пролетел мимо, казалось, должен был сейчас со страшной силой грянуть за спиной о пол, – но нет: мгновение, другое, третье – все было тихо. Мужчина отпустил женщину и глянул за спину. Там, где полагалось бы лежать гряде металлолома, все было девственно чисто – только несколько едва различимых глазок мусоронок на затертом, траченом половичке. Американец исчез, как его и не было. Будто он им обоим лишь примерещился.

Мужчина вспомнил, что женщина говорила про жирафа.

– Как ты думаешь, – хмыкнув, произнес он, – а его кто-нибудь, кроме нас, видит?

– Хочешь сказать, что он – только в нашем воображении? Смотри! – Женщина протянула к нему руки.

Мужчина посмотрел. Руки у нее до самых локтей были в яркой малиновой насечке, – следы от лопастей. И на щеках, на лбу, заметил он теперь, у нее тоже было несколько таких же полос.

– Сволочь! – вырвалось у мужчины. – Ах, сволочь!

– Он меня хотел убить! – В голосе женщины прозвучало рыдание. – Я не выдумываю, не выдумываю! По шее целил, в сонную артерию, я уже думала: все, не спастись!

Мужчине было нечего сказать ей на это. Нечем успокоить. Он мог сейчас только ругаться. Запустить трехэтажным. Сволочь, специально подгадывает момент для своих нравов, когда она одна и можно быть уверенным в безнаказанности!

Но в том, что американец хотел убить женщину, он сомневался. Это было маловероятно. Зачем ему, что за смысл? Так, просто куражился по-обычному. Наслаждался своей механической мощью и гарантированной безнаказанностью.

Мужчина встал с пола, молча поднял женщину и посадил на полку. Провел ладонью по ее голове.

– В следующий раз, буду уходить, нужно, чтобы у тебя под рукой было что-нибудь увесистое, – нашелся он, наконец, что сказать ей. – Вмажешь ему без жалости – будет знать.

Однако вместо умиротворения во взгляде женщины мужчина увидел все тот же ужас, что так резанул его, когда он вошел в купе.

– Что это с тобой? – спросила женщина, указывая на его лицо.

– Что? – непонимающе переспросил мужчина.

– У тебя кровь!.. И где продукты? Ты ходил за продуктами!

Мужчина вспомнил, что произошло в ресторане. Но те гнев и возмущение, с которыми он спешил к женщине, утекли из него – ничего не осталось, и он только махнул рукой:

– А-а, так.

– Нет, а продукты? Почему ты без продуктов?

Мужчина с удовольствием увидел, что тревога за хлеб насущный вымывает из ее взгляда ужас, растворяет в себе – подобно тому, как растворяет вешний снег вешняя вода.

– Кончилась лафа, – процитировал он слова одного из тех, что сидели за столом.

– Что ты несешь? – Женщина рассердилась. Она рассердилась, и от ужаса у нее в глазах не осталось и следа. – При чем здесь лафа? Какая лафа? Что ты собираешься есть на обед?

Она слишком рассердилась. Чересчур. Чрезмерно – даже делая скидку на ее состояние. Мужчина расценил такую ее реакцию оскорбительной для себя. Все же ему, пока она тут страдала от американца, тоже досталось.

– А ты, когда я уходил, собиралась белье постирать. Постирала?

– Мне не удалось. Этот тип появился.

Мужчина покивал:

– Вот и мне не удалось ничего купить.

Сознание женщины, видел он теперь по ее глазам, с мучительным напряжением пытается соединить произнесенные им слова с его видом. И вот это соединение произошло: лицо ее вспыхнуло сочувствием, виной, покаянием.

– Так ты... У тебя... Ты, значит... – вырвалось у нее косноязычным бормотанием.

В следующее мгновение женщина вскочила, их бросило друг к другу, и они обнялись. И некоторое время стояли так, не шевелясь и ничего не говоря. А и что им было сейчас говорить друг другу. Они понимали друг друга и так, молчанием. Он был ею, она – им, уже давно, целую пропасть лет; был он – была она, была она – был он, а поодиночке каждый из них становился словно бы одноногим, одноруким, одноглазо-одноухим – какие у них могли быть взаимные счета?

5

Мужчина только закончил рассказывать женщине о происшествии в ресторане, как дверь откатилась в сторону и на пороге возник проводник. Его форменный пиджак с блестящими пуговицами был расстегнут, галстук расслаблен и сбился на сторону, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Словно он бежал через все вагоны, задохся, сделалось жарко – и вот он растелешился. Но, в противоречие с его раскрепощенным видом, губы проводника были с карающей суровостью

подобраны в нитку, и так же карающе-суров был взгляд его светлых холодных глаз.

– Н-ну?! – вперив этот карающе-суровый взгляд в мужчину, проговорил он, постояв некоторое время на пороге в молчании. – Вам и прямой приказ – не указ?

– Простите? – произнес мужчина. Он не понял, что хотел сказать проводник.

– Простить? – переспросил проводник. – С какой стати!

– Нет, «простите» – в смысле, что вы имеете в виду, что мне не указ, какой приказ? – поторопился уточнить мужчина.

– Почему радио не включено? – В голосе проводника сквозила арктическая стужа. – Вы что, уже забыли, о чем вам было сказано в ресторане?

– А, радио! – воскликнул мужчина. Он обрадовался, что все, наконец, прояснилось. – Не успели еще просто.

– А что тут успевать? – Арктическую стужу в голосе проводника расцветила уничтожительная ирония. – Трудно ручку повернуть? Без домкрата не обойтись?

Он резко шагнул в купе, заставив мужчину отскочить к столику у окна, перегнулся в поясе, принуждая мужчину изгибаться назад, втискиваться в столик что было возможности, и, дотянувшись до круглого рифленого пластмассового колесика на стене, крутанул его. В барабанные перепонки с мерзкой оглушительностью ударила какая-то дикая музыка. Может быть, там было фортепьяно, может быть, труба, гобой, виолончель, но из всех слышен был лишь барабан; он колотил, заглушая все прочие инструменты, колотил со страстью, неистовством, бешенством самопоения; я, я, я, колотил барабан, есть только я, я, я, слушайте меня, слушайте, слушайте!..

Женщине вмиг стало дурно. Казалось, барабан бьет прямо по черепной коробке, и каждый удар все туже и туже свивает мозг внутри жгучим жгутом.

– Ой, зачем?! – простонала она.

– Затем! – откликнулся проводник. – Чтоб мне еще раз холку из-за вас трепали!

– А потише можно? – просительно произнес мужчина.

– Потише можно. – Проводник снова перегнулся в поясе и слегка привернул звук. – Но чтоб не тише! Чтоб я из коридора слышал! Тише – только когда спать. Но тише, а не совсем. Не до конца! Чтоб все равно включено было! Будете совсем выключать – ссажу с поезда, и гуляйте! Без разговоров. Я вас теперь не оставлю, вы у меня под колпаком, стану приходиться проверять – хоть когда!

Тон его по-прежнему оставался арктически ледяным, но в голосе зазвучала живая страсть, как бы этот арктический лед пришел в движение, заторошился, с грохотом полез глыба на глыбу, и мужчине подумалось, что нужно замять последние слова проводника, нельзя заканчивать разговор на подобной угрозе.

– А я вообще думал, – с живостью, выпуская на лицо улыбку, проговорил он, – это шутка, про радио.

– Какая шутка! – перебил его проводник. – Все, шутки кончились! – Он взялся за узел галстука и, поведя из стороны в сторону подбородком, натуго затянул узел, – не застегнув, однако, верхней пуговицы на рубашке. Переместил руки вниз, свел вместе борта форменного пиджака и просунул в петлю одну пуговицу, другую, – оставив незастегнутой третью. – Кончились шутки, кончились, зарубите себе на носу!

Лед в его голосе все так же торошился и грохотал, но мужчина не решился на новую попытку смягчить проводника. Не получилось с первого раза – как бы вообще не сделать еще хуже.

Проводник между тем прошел обратно к порогу, переступил одной ногой за него – и внес ногу обратно, вновь повернулся лицом к мужчине и женщине.

– Да, а что это за запах, – пошевелив ноздрями, проговорил он. – Псиной пахнет! И тогда, когда в прошлый раз заходил. Что такое? Все же вы собаку везете. Без проездных документов!

– Да нет, что вы, мы ведь уже выясняли! – Женщина бросилась отвечать проводнику с явным желанием не дать ответить мужчине. Она опасалась, что он не сумеет ответить достойно. – Это мы завтракали. Это сыр такой. Залежался – и провонял. Какая собака, что вы!

– Да? Сыр? – недоверчиво произнес проводник, вновь пошевелив ноздрями. – Хм. Странно. Очень странно. Смотрите! Если в самом деле собака – ссажу с поезда, и гуляйте! Без разговоров.

Помянутый женщиной мифический провонявший сыр напомнил мужчине, что из похода за продуктами он вернулся с пустыми руками.

– Да! Послушайте! – кинулся он к проводнику. – А как же с продуктами? Где же теперь еду покупать?

На губы проводнику выскользнула тихая снисходительно-ироническая усмешка.

– Вам разве уже не ответили? По-моему, вы задавали этот вопрос, вам ответили, и вполне ясно.

– Что мне ответили! – воскликнул мужчина. – «Устраивайтесь кто как может». Это ответ? Как нам устраиваться? Посоветуйте. Я не понимаю.

Проводник вздохнул. С таким видом, словно этот нынешний визит к мужчине и женщине непередаваемо измотал его. Просто кошмарно измотал.

– У поезда остановки бывают? – сказал он затем. – Бывают, знаете не хуже меня. Ну? Что ж тут непонятного, как устраиваться. Выскакивайте на остановке – и отоваривайтесь. Хотите, в станционном буфете. Хотите, в пристанционном магазине. Хотите, у офень прямо возле вагона. – «Офень» он выговорил с особым тщанием, со вкусом, так и выделив слово голосом – ему было приятно щегольнуть им, показать, какие реликты он знает. – Выбор широкий, отоваривайся – не хочу. Что за проблемы?

– Но это неудобно! – снова вмешалась в разговор женщина. – Остановки так редко. И такие короткие. Иногда ее и заметить не успеешь, до того короткая.

– Ну, это уже проблема собственной расторопности. – Проводник всем своим видом так и показывал, что, продолжая разговор, делает мужчине и женщине одолжение, которого они не заслуживают. – Вот, кстати, сейчас остановка будет. Минут через десять. И пять минут поезд будет стоять. Пять минут – мало вам? Вполне достаточно. И не выключать! – не сделав паузы, словно бы все продолжая прежнюю речь, ткнул он пальцем в рифленое пластмассовое колесико на стене у окна. – Чтоб всегда включено! Буду слушать из коридора.

Дверь за ним закрылась, въехав в обитый хромированной железной полосой косяк, и мужчина с женщиной остались вдвоем. Они остались вдвоем – и обоим, и ей, и ему, показалось, что мгновенно наступила оглушающая, глубокая тишина. Хотя радио гремело во всю мощь, и все так же одним барабаном, самоупоенно выколачивающим свой примитивный варварский ритм.

– Давай на остановке сойдем вместе, – предложил мужчина. – Пять минут, пойдй сориентируйся. Давай вместе.

– Давай, – не раздумывая, согласилась женщина.

6

Станция была крупная. Семь или восемь путей перед вокзальным зданием, а само здание вокзала – раскидистое, большое, объемное, рассчитанное принять в свое чрево разом сотни людей. Горели десятки фонарей, заливая пристанционное пространство ярким, готовым посоперничать с солнечным, светом, посвисты-

вали маневровые паровозы вдаль, невнятно грохотал голос диспетчера на горке. Выскочить из вагона, вдохнуть свежего воздуха на такой станции было даже и удовольствием.

Поезд поставили не вплотную к зданию вокзала, а посередине рельсового поля, но пути перед высоким привокзальным перроном были свободны и дорога к вокзалу открыта. На улице, оказывается, властвовала зима. Лежал снег, стоял рьяный морозец, разом пробравшийся под одежду и одевший тело каленой железной кольчужкой. Изнутри ничего этого было не понять. Казалось, что лето. Во всяком случае, когда они выходили на остановке в последний раз, еще всю буйствовала зелень.

Из вагонов на междупутье сыпались толпы людей. Как удивительно. А из их вагона не вышло никого, кроме них двоих.

Вдоль поезда уже выстроилась шеренга продавцов с рук – тех самых, кого проводник по-старому называл офенями. Точнее, это была не шеренга, они сбились клубящимися кучками около раскрытых вагонных дверей, обволакивали собой каждого вновь сошедшего на землю, катились с ним по междупутью, через рельсы, растворяли в своем клубке – если он останавливался, отлеплялись – если не останавливался, и бросались обратно к дверям.

К мужчине и женщине, только они ступили на подножку, тоже прихлынула такая же орда. Молодые румяные бабы, трясущиеся старухи, алкогольного вида мужики, вертлявые подростки с острыми пронирыливыми глазами. А вот картошечка отварная, горячая, голосили бабы. Огурчики соленые с укропчиком, с дубовым листом, верещали старухи. Папиросы, сигареты, самосад имеется, зверь, не самосад, хрипели мужики алкогольного вида. Жвачка, чуингам, освежает дыхание, сохраняет зубы, поднимает аппетит, предлагали подростки.

Все это было не то, что требовалось мужчине и женщине. Свежий творог, кефир, батон хлеба, сыр, колбаса – вот что им было нужно. Чтобы настоящая еда, а не закуска под водочку. Конечно, картошка – это замечательно, да уже готовая, не чистить, не варить, на стол – и ешь, но цена! Несусветная цена. А что ж вы хотите: с доставкой к порогу, себе в убыток, что ли?! – крикнула в ответ на предложение сбавить цену одна из рдяных молодых баб.

– Что, рванем на вокзал? – предложил мужчина.

– Попробуем, – отозвалась женщина.

Он схватил ее за руку и повлек за собой через отделявшие их от вокзального перрона пути.

– Быстрее, быстрее, – торопил он ее на ходу.

– Ой, так мало времени, как бы не опоздать! – приговаривала она за ним позади.

Толпы, скатившиеся на землю из других вагонов, мчали рядом, впереди, догоняли, обгоняли. У кого в руках мотались сумки – кожаные, тряпичные, брезентовые – у кого бился за плечами рюкзак. Когда мужчина и женщина влетели в здание вокзала, пронеслись, следуя указующим стрелкам, к буфету, сделалось очевидным очевидное уже и до того: ничем им тут не отовариться. Змеилась, извивалась, заполняя собой весь буфетный зал, толстобочая очередь, а у самой стойки буфета головка змеиного тела вспухала до невероятных размеров, туда было не влезть – если только у тебя не железные ребра; и там, у прилавка, уже всю чесали друг о друга кулаки, орали, и кто-то с разбитым в кровь лицом пытался выбраться оттуда наружу, и выбраться у него никак не получалось.

Зачем было и стоять в этой змее, без всякой надежды добраться до стойки?

– На площадь, в привокзальный магазин, должен обязательно быть! – не советуясь с женщиной, приказал мужчина.

Они рванули к двери, пронеслись под гулками сводами центрального зала и так, на полном ходу, выметнули себя на крыльцо. Магазин имелся. Его светящаяся неоновая надпись манила к себе с противоположного конца такой же могучей, как вокзальное здание, подобной строеному плацу, утонувшей в сугробах площади.

– Ой, я не могу! – остановилась женщина. – Все, еле дышу. Не добегу.

– Жди здесь! – на ходу, летя по ступеням вниз, крикнул мужчина.

– Это бессмысленно! Не успеешь! Не надо! – услышал он, кричала ему женщина.

Он понимал и сам, что бессмысленно. Добежать до туда, да потом обратно, да в магазине уже свои очереди...

Однако мужчина чувствовал себя обязанным добежать – и убедиться в бессмысленности своего броска. Он все любил доводить до конца. Пусть неуспех, но знать, что сделано все возможное.

В магазине было полно народу.

Мужчина развернулся – и через несколько секунд уже несся через площадь обратно. Раз не получилось ничего купить ни в буфете, ни в магазине, следовало возвращаться к поезду и пытаться торговаться с «офенями».

– Летим обратно. В темпе! – протянул он руку женщине.

Женщина только начала торговаться – поезд тронулся. Мужчина выхватил у рдяной бабы полиэтиленовый пакет с картошкой, полиэтиленовый пакет с огурцами у старухи, сунул им деньги, сколько они просили, и подпихнул женщину к уплывающим ступеням:

– Заскакивай!

Проводник смотрел на них сверху с холодной иронической усмешкой.

– Заскакивай, заскакивай! – подсадил мужчина женщину.

Поезд стремительно набирал ход, шел все быстрее, и ему самому пришлось запрыгивать уже на ходу. Полиэтиленовые пакеты с картошкой и огурцами, когда заскочил на подножку, мотнулись в руке, ударились о поручень, тот, что с огурцами, лопнул, и огурцы один за другим мгновенно, не успев подхватить, выскользнули на землю под колеса.

– Хорошо, что не картошка, – ободряюще произнесла над головой женщина.

– Хватит там стоять. Поднимайтесь, – недовольно приказал проводник.

Мужчина поднялся к ним наверх, проводник отомкнул от стены рифленую железную пластину, бросил вниз и наступил на край ногой, чтобы замок, схватывающий пластину с остальным полом, защелкнулся.

Мужчина из-за его плеча глянул наружу. С высокого привокзального перрона сыпались на пути один за другим люди, неслись, перепрыгивая через рельсы, к набирающему ход поезду и, как спотыкаясь, останавливались. Внизу, у ступеней, возник человек. Он бежал, по-спортивному красиво работая согнутыми в локтях руками, и смотрел наверх, в проем двери.

– Откинь пол! Эй, откинь, дай заскочить! – крикнул он проводнику.

Проводник молча глянул на него, отступил назад, толкнув мужчину спиной, и отсоединил дверь от стены.

– Эй, не закрывай, дай сесть! – снова прорычал человек.

Проводник, по-прежнему ничего не отвечая, с размаху захлопнул дверь. Поезд шел быстрее, быстрее, набирал ход, залитая светом станция откатывалась назад, впереди угадывалась все та же глухая, полная, аспидная тьма.

– Успели!.. – с изнеможением и счастьем выдохнула женщина.

Мужчина согласно прикрыл глаза: успели.

– Ну, вы нам устроили жизнь! – укоряюще сказал он проводнику.

– Нормально, – спокойно отозвался проводник, закрывая дверь на ключ. – Успели же? Успели.

В коридоре, когда миновали узкий перешеек между ним и тамбуром, мужчину с женщиной ждало потрясение: тот был полон народа. Даже не полон, а кипел им. Стояли у окон, сидели на откидных сиденьях между окнами, протискивались, перемещаясь по нему, друг мимо друга, громко разговаривали, перекрикивались, а где-то в дальнем конце и пели под гитару, – шум стоял в коридоре, гвалт, рев океанской волны. И все это были молодые, очень молодые люди. Ощутимо моложе их сына, которого, хотя он уже изрядное время жил своим умом и своими трудами, все равно, конечно же, должно было считать еще молодым.

– Ой, к нам гости из прошлого, – увидев мужчину и женщину, произнесло юное создание женского пола, стоявшее с сигаретой в руках в самом истоке коридора.

– Идут гости, гремят их кости, – подобием эха отозвалось на ее слова юное создание пола мужского, тоже с сигаретой в одной руке, а второй обнимавшее юное создание женского пола таким образом, что ладонь жадным полушарием лежала на острой, задорной грудке. Похоже, молодой человек был или поэт, или просто страдал манией версификаторства.

Мужчина с женщиной, ничего не ответив, переглянулись. Они согласно подумали об одном и том же. И так же согласно не поверили себе. Не может быть, сказали глаза женщины. Да, это было бы дикостью, ответил ей глазами мужчина.

Они совершенно напрасно не поверили себе. Их купе было занято. Парочкой таких же юных, как все остальные в вагоне, круглощеких детей, разве что ребенок со вторичными половыми признаками принадлежности к роду Евы имел еще и солидных размеров живот, неопровержимо свидетельствовавший, что плод греха ребенком откушан. Громоздился у стены большой черный чемодан из твердого пластика, выглядывала с верхней полки небрежно заброшенная туда черная дорожная сумка из плотной дерюжной ткани, на столике высился лоскутно-цветной рюкзак из кожзаменителя.

Мужчина с женщиной утратили дар речи. Стояли на пороге, ошеломленно взирали на юную пару и молчали, не в состоянии произнести ни слова.

– А! – воскликнул юный адам, пружинисто вскакивая со своего места и делая шаг к двери. – Это, видимо, ваши вещички здесь, да?

Дар слова, отнятый неожиданностью открывшейся картины, вернулся к женщине первой.

– С какой стати?! – вырвалось из нее с возмущением. – Вы что, не видите, что занято?

– Пардон! – Лицо у адама из оживленно-веселого вмиг стало суровой стальной маской. – Я вас не выставил, дождался – скажите спасибо. Здесь теперь мы! А вот с какой стати вы не освободили место?!

У женщины перехватило дыхание.

– Да вы!.. Вы!.. Мы здесь... Это наше место, покиньте его, будьте любезны!

– Да? Покинуть? Интересно! – подала голос ева. Лицо у нее было точь-в-точь, что у ее адама: неумолимая стальная маска, задень – расшибешься вдребезги. – Где нам сказали занимать, там мы и заняли. А вы должны были освободить для нас, вы виноваты, что не освободили, и еще на нас?!

Мужчина почувствовал, что отнявшийся язык готов повиноваться ему. У него сжимались кулаки. Если бы эта ева не была беременной!

– Произошла ошибка, – произнес он как можно спокойнее и доброжелательнее. – Вас неверно направили. Очевидно же: место занято. И мы никуда не собирались отсюда уходить. И, само собой разумеется, не собираемся.

– Что значит «не собираемся»! – перебил мужчину адам. – Должны, так нечего! Наше место, и все, весь разговор! Собирайте вещички – и чтобы духу здесь вашего не было!

– Это вы – чтоб духу вашего не было! Это вы! – закричала, топнула ногой женщина. – Наглецы! Бессовестные! Это вы!..

– Что за шум? – прозвучал за спиной у мужчины и женщины голос проводника.
– Что тут стряслось?

Мужчина с женщиной обернулись. Проводник стоял с согнутой в локте рукой, поигрывал вагонным ключом – словно собирался показать некий фокус, на губах у него, подобно тому, как он поигрывал ключом, играла его холодно-ироническая усмешка.

Мужчина поторопился опередить женщину. Она сейчас не владела собой, и не хватало только, чтобы обрушилась с криком и на проводника, испортив у него все впечатление о них.

– Удивительная история! – с этими же намеренными спокойствием и доброжелательностью, с какими обращался к паре, занявшей их купе, проговорил он. – Мы приходим, а на наших местах – другие, и говорят, будто бы их определили сюда. Вплоть до того, что требуют, дабы мы забрали свои вещи!

Проводник разогнул руку с ключом, опустил ее и покивал головой.

– Да, – сказал он, – нехорошо вышло.

И смолк.

Мужчина ждал, ждал его дальнейшей реакции, но проводник все молчал, глядя на мужчину с прежней холодной иронией, как бы любующейся, упивающейся собой – самодостаточной, а потому способной обеспечить ее хозяину сколь угодно продолжительное молчание, и мужчине ничего не оставалось делать, как прервать это молчание самому.

– Мы с женой, – махнул он рукой в сторону женщины, – вынуждены вас просить: предоставьте молодым людям другие места. Конечно, девочка беременна, конечно, им тоже нужно где-то ехать... но это ведь наше купе!

Сложенные в ироническую складку, губы проводника пришли в движение:

– Да где же другие места? Видите, сколько народу подвалило. Ни одной свободной полки!

– Но у нас тоже! У нас тоже! – вмешалась в их разговор женщина. – Только две полки, разместиться на двух полках четверым – это возможно?

– Две? Что вы говорите! – Ирония проводника сделалась высокомерной. – Это вы ошибаетесь, что две. Столько едете, так и не удосужились разобраться, сколько на самом деле. Что, и вы полагаете, две? – взглянул он на мужчину.

– А сколько? – нелепо спросил мужчина.

– Три! – Высокомерная ирония проводника изогнула, вздернула его белесые брови на самый лоб. – Этот тип купе имеет три полки. Это не какой-нибудь вагон для внутренних линий с четырьмя полками. Это международный вагон, европейского стандарта, и в нем три полки, повторяю: три – следовало бы разобраться.

Выставив вперед плечо, проводник протиснулся между мужчиной и женщиной, вошел в купе и, быстро проманипулировав с блестящими хромированными пластинами под днищем верхней полки, вдруг обрушил на головы юных адама и евы, смиренно сидевших на полке нижней, еще одну горизонтальную плоскость. Ева в ужасе взвизгнула и, подпрыгнув, словно разжавшаяся пружинка, с размаху въехала лбом в стенку напротив, адам мгновенно пригнулся, сложившись пополам подобием перочинного ножика, и закрыл голову руками.

Проводник не смог удержать себя от улыбки.

– Да ну, вы что. Никакой опасности. – И повернулся к мужчине и женщине: – Третья полка. Пожалуйста. Неужели даже и не догадывались?

Мужчина чувствовал себя уязвленным. Его самолюбие было задето. А он-то полагал, что такая непомерная толщина верхней полки, столь долгое время принимавшей для отдыха его тело, – это некая необходимая конструктивная особенность.

Но ничего иного, кроме как признаться в своей недогадливости, не оставалось.

– Понятия не имел, что это тут третья полка.

– Плохо, что не имели, – сказал проводник. – Имели бы – и никаких недоразумений. На трех полках вчетвером – прекрасно разместитесь. Все! – пресекая любые вопросы, возражения, просьбы – что со стороны мужчины и женщины, что со стороны адама и беременной евы, – повысил он голос. – Все, других мест нет. Пожалуйста, три полки. Размещайтесь.

Адам с беременной евой глядели на проводника глазами, полными обиды и недоумения. Они рассчитывали совсем на другое.

– Нет, но как же!.. – несмотря на запрет проводника, вырвалось из адама. – Ведь мы...

– Я сказал: все! – тотчас заткнул проводник его словоизвержение, не дав тому вырваться наружу. – Три полки, устраивайтесь. И чтоб ко мне – ни с какими жалобами.

Адам затравленно смотрел на проводника и больше не смел произнести ни слова.

– Радио, кстати, – сказал проводник, тыча пальцем в направлении колесика на стене. – Почему выключено?

– Ой, это не мы! – мгновенно с испугом вскинулась женщина. – Нас здесь не было. А мы уходили – было включено.

– Вас и не спрашивают, – отмахнулся от нее проводник. – Почему выключено? – повторил он вопрос, переводя взгляд с адама на еву.

Ева обиженно повела плечом:

– Голова болит...

– Включить! – тряхнул проводник пальцем. И посмотрел на мужчину с женщиной: – Объясните молодежи, как вести себя с радио. Чтобы всегда было включено!

– Но у нее болит голова! – вскинулся адам, указывая на еву. – Она в положении... и можно войти в положение? Ведь она в положении!

Глаза проводника были пустынными ледяными полями Арктики.

– Пейте таблетки от головной боли, – безжалостно сказал он. – Дышите свежим воздухом в тамбуре. Но радио чтоб – всегда. Включите, включите! – приказал он адаму, которому с его места, чтобы включить радио, достаточно было всего лишь протянуть руку. Дождался, пока тот возьмется за колесико, повернет его, потребовал: – Громче, громче! – и, когда адам крутанул колесико еще, удовлетворенно покивал: – Вот так. Хорошо. – Повернулся к мужчине и наставил указательный палец на него: – Назначаю вас как старшего по возрасту ответственным за радио. И вас, – перевел он взгляд и палец на женщину. – Обоих! Буду слушать из коридора. Если что не так – ответите первыми! Виноваты, не виноваты – первыми!

Он выступил в коридор, дернув за собой дверь, та поехала, докатилась почти до конца, остановилась, оставив между собой и косяком узкую щель, и адам незамедлительно привстал, потянулся к ручке радио, чтобы выключить его. Или, по крайней мере, уменьшить звук. По радио сейчас звучали народные песни, и певички визжали так, что это было почище всякого барабана.

Мужчину бросило к адаму – словно выстрелило.

– Вы что?! Не смей!

Адам отшвырнул его от себя со всем жаром своей юной, неистощенной силы.

– Ты мне еще указывать будешь, рухлядь!

Но мужчина не мог позволить ему выключить радио или даже привернуть звук. Ведь проводник обещал признать ответственными их с женщиной!

– Не смей! – снова закричал он, вновь бросаясь на адама.

Они повалились на полку, адам пытался сбросить мужчину на пол, а мужчина давил, давил на адама своим весом – и не знал, что делать дальше, что предпринять, когда адам сбросит его, наконец, с себя. Женщина закричала, беременная ева тоже подала голос – пронзительнее певич по радио.

Дверь двинулась, и на пороге возник проводник. Он никуда не уходил, он так и стоял здесь за дверью – и специально не закрыл ее до конца.

– Молодец! – похлопал он по плечу вскочившего мужчину. И обратился своим арктическим взглядом к адаму: – Делаю скидку на вашу юность, молодой человек! В следующий раз – никакого снисхождения. Виноваты – платите по счетам. Сказано, не делать тише – нечего руки распускать. Независимо от того, – бросил он взгляд на беременную еву, – болит голова или нет. Болит – ваши проблемы.

Проводнику адам не посмел поперечить ни словом. И не посмела сказать слова против ева. Наоборот, и тот, и другой залепетали что-то покаянное – винуясь, оправдываясь, они были похожи на скулящих собачонок, в ужасе перед наказанием припадающих у ног хозяина на передние лапы и бьющих хвостом.

Но только проводник вышел, закрыв на этот раз дверь до конца, адам преобразился – словно внутри него сработал некий переключатель: это теперь была сама воплощенная твердость, стальная непреклонная жесткость – ни в чем никому никаких уступок.

– Жена моя как беременная займет нижнюю полку, – сказал он. – Я, чтобы быть к ней ближе, размещусь на средней. Ваша – верхняя.

– Простите, вы что! – изумленно воскликнула женщина. – Верхняя, в моем возрасте?! И нас двое!

– А нас трое, – с подчеркнутой невозмутимостью ответила ей ева.

– Но вы бы, – обращаясь к адаму, – лично вы, – подчеркнул мужчина, – могли бы лечь и на полу. Если хотите быть ближе к жене. Ваш возраст вам позволяет.

– Мой возраст требует послать тебя куда подальше, – не повышая голоса, сказал адам.

Мужчина поймал готовые вырваться из него слова, прикусив себе язык. В буквальном смысле этого слова. То, чем единственно можно было ответить на плевки адама, лучше было вслух не произносить. Он бы потом пожалел о произнесенном.

Когда настало время ложиться спать, они легли с женщиной там, под потолком, вскарабкавшись наверх по приставной лестнице. Тесно было – невероятно. И слишком узка полка, и давно уже они не спали вместе, отвыкли. Они лежали, лежали, мешая друг другу, и все не могли уснуть.

Но все же они уснули – и проснулись оттого, что поезд влетел на какой-то цельнометаллический мост, словно бы над оврагом с речушкой внизу, быстро прогрохотал по нему – и понесся дальше, пожирая темное глухое пространство.

– Опять мост, – со стоном пробормотала женщина. – Будят меня эти мосты!

– Ничего, заснем, – утешил ее мужчина. – Куда денемся. Видишь, заснули же. И снова заснем. Деваться-то некуда.

Они и в самом деле уснули. Промаялись еще какое-то время, помнившие почти вечностью, и забылись.

8

Жираф был потерян и не знал, куда деть глаза. Его гладкая опрятная шерстка на холке дыбилась от смущения и неловкости колючим бобрком.

– Этот тип не имел понятия, что вы мои друзья, и ему ужасно стыдно. И мне тоже стыдно за него, ужасно стыдно, нет слов! – говорил он мужчине. – Я когда узнал, я чуть с ума не сошел, ей-богу! И ему тоже не сладко, переживает – просто кошмар, вот попросил меня ходатайствовать перед вами, чтобы вы его извинили.

– Да независимо от того, кто кому друг, кто нет, разве допустимо вести себя подобным образом! – воскликнул мужчина.

– Конечно, конечно, согласен, трижды согласен! – так же восклицанием отозвался жираф. – Но он и осознал, вполне осознал, в нем ломка, настоящая ломка произошла!

Американец стоял в отдалении с видом самой покорной скромности, свесив вниз лопасти. Втягивал в себя свою крупную голову, переминался, переступал с лапы на лапу – похоже, и в самом деле чувствуя себя не в своей тарелке.

Но мужчина не мог так вот взять и простить его. Слишком тот безобразно вел себя, это еще мягко говоря – безобразно, и перед кем был более виноват, так не перед ним, а перед женщиной.

– Но я не понимаю, я бы хотел понять, как можно так поступать?! – снова воскликнул мужчина. – С какой стати? И зачем? Что за смысл?

Жираф подвигал рожками на голове. Его негритянские губы поморщились, повисли в сторону.

– Американец, что тут добавить, – сказал он. – Миссионер, проводник высшей цивилизации. Он полагал, с туземцами нужно так обращаться. Чтобы в строгости их... посуровее. Чтобы они трепетали. Втемяшить через страх свои ценности. Американец, типичный американец, что с него взять.

Мужчина невольно и совсем неуместно захмыкал.

– Что это ты несешь. Ты же испанцев не любишь. А американцев ты обожаешь. Американофил. «Великая нация»!

– Великая нация, великая, – закивал жираф. – Какую цивилизацию создали! Но нужно же и объективным быть. Туповаты. Весьма туповаты. Нам им мозги вправлять и вправлять... А вправишь, так кем они станут? – неожиданно прервал он сам себя. – Нами, что ли, станут? Вот интересно, нужны они нам такие. Мы и сами с усами, чтобы еще американцам на нас походить!

Мужчина, слушая его, чувствовал, как губы ему развозит в улыбке. Он не мог устоять перед жирафом. Американец выбрал себе в адвокаты кого следовало.

– Мы-то с вами, – сказал мужчина американцу, – квиты. От меня вам, я помню, тоже досталось. Вы перед женой моей должны как следует повиниться. На колени пасть – чтобы она простила. Вы такого натворили... она ведь думала, вы ее убить собираетесь!

– Убить, что вы! – вскинулся и смолк, втянул голову американец.

– Ну, так мы вот хотели потолковать, были у вас в купе там, – снова вступил в разговор жираф, – а у вас там какие-то подселенцы. Крутые – жуть, юноша, тот сразу мне приемы каратэ демонстрировать стал. Куда ему, – дотянулся жираф головой до американца, ткнул его с усмешкой рожками в лопасть, – куда до этого юноши! Детский сад по сравнению с ним, даже не сад, а ясли.

Звучный лягз и грохот колес сопровождал их разговор. Они разговаривали в тамбуре, куда мужчина вышел покурить. Раньше он всегда курил прямо у себя, женщине это не нравилось, но она терпела и только отгоняла от себя рукой дым, когда мужчина случайно выпускал тот в ее сторону. Но теперь лафе пришел конец. Теперь в купе была эта беременная ева, и курить при ней – такое, естественно, исключалось. Конечно, они с женщиной вовсе не жаждали этого соседства, но уж раз выпало сделаться соседями, то приходилось считаться.

– А, так вы, значит, сюда ко мне – побывав там, – закивал и, не смог удержаться, всхотнул мужчина. – Познакомились, значит, с нашей молодежью? Показали

они уже вам? Крутые, точно. Слово им поперек – ни-ни, живо на место поставят. – И его осенило: – Так вы, получается, видели их, а они вас? Они вас, получается, тоже?

– Да, конечно, а как же, – удивленно ответил жираф. – Если мы их – да, то почему они нас – нет?

Понятно, понятно. Почему, действительно, нет. Мужчина снова покивал. Только уже не засмеялся. Ну вот, эксперимент поставлен. Женщина тогда говорила, что проводник, если бы зашел в купе, когда там жираф, то не увидел бы его. Будто бы жираф – только их, нечто вроде такой их общей галлюцинации, материализация их неутоленных желаний. Вот теперь ясно, как бы не увидел. Запах псины чует, а саму «псины» бы не узрел. Узрел бы, еще как узрел. И его, и американца.

– Ну так что, как мы поступим? – возобновил жираф основной разговор. – Там у вас, в присутствии тех, – никакой возможности объясниться. Может быть, здесь же, в тамбуре? Вы бы сходили, привели ее, а мы бы подождали.

– Да, а мы бы подождали, – снова вскинулся и смолк американец.

Мужчина вынужден был отрицательно покачать головой:

– Нет, она сюда одна, без меня не пойдет, а мы вместе сейчас выходить не можем. Боимся! Выйдем – а они дверь на замок. С них станется. И будем мы в коридоре куковать.

– Так к вам теперь вообще не особо в гости походишь! – дошло до жирафа.

– Не походишь, не походишь, – подтвердил мужчина. – Вон они вас приемами каратэ встретили!

– О елки зеленые! – сокрушенно проговорил жираф. – А я в вашем обществе всегда так оттягивался! Такой кайф получал!

– Ну, надо надеяться, обомнутся со временем, – сказал мужчина. – Обомнутся, помягчают...

– Ждать до морковкиного заговенья! – воскликнул жираф.

– Я вообще, – смущенно подал голос американец, – мог бы их поучить... Я, если всерьез, такое могу... Я ведь с вами не всерьез. А если всерьез – они вас сами рады оставить будут. Сбегут, натуральным образом. Только скажите.

Американец начал говорить – мужчина как раз собирался сделать последнюю, самую сладкую затяжку. Он поднес сигарету к губам, американец медленно, осекаясь, нанизывал слово на слово, – и дым встал у мужчины в горле колом, он поперхнулся, словно это была его первая сигарета в жизни.

– Что вы такое говорите, что вы говорите!.. – сквозь кашель, торопясь, забормотал он. – Как можно. Девочка на сносках, ждет ребенка... что вы! Ну, выпало нам такое. Ну что ж. Делать нечего. Как-нибудь обойдется.

– Ждать до морковкиного заговенья! – снова воскликнул жираф. На этот раз – с интонацией упрека и даже порицания.

– Последнего дня Помпей, – сказал американец.

– Простите? – не понял мужчина.

– Я говорю, до последнего дня Помпей! – повторил американец. Он понемногу расковывался, смущение в его голосе стало сменяться бесцеремонностью. – В смысле, ждать до этого срока.

– Почему? – снова не понял мужчина.

– Потому что Помпеи должны быть засыпаны пеплом.

– В смысле, всякая жизнь конечна – и ждать придется до ее конца?

– В смысле, что Этна, сколько ни спит, в конце концов обязательно просыпается.

Мужчине это надоело. Испортил ему последнюю затяжку, сейчас принялся говорить загадками.

– Ладно, – махнул он рукой. – У вас, у американцев, мышление – без полбанки не разберешься.

– На человека. По полбанки на человека! – с удовольствием завопил жираф. Вот так помолотить языком – это было ему в самый кайф. – А для жирафов – по две полбанки. У нас шея длинная, пока дотечет, куда надо, всосется – сдохнешь ждать результата.

– Нет, у нас все построено на точном расчете, никаких полбанок, – с полной серьезностью отозвался американец. – Другое дело, невозможно точно рассчитать, когда она все-таки проснется.

Мужчина, не продолжая больше этого разговора, шагнул к двери, ведущей в междвагонный переход, открыл, наполнив тамбур еще более сокрушительным лязгом и грохотом, бросил на стремительно бегущий внизу путь окурков и закрыл дверь. И сразу, показалось, на тамбур обрушилась тишина.

– Можно будет у нас появиться, – сказал мужчина в этой оглушающей тишине. – Есть вариант. Любитель каратэ где-то служит, все время туда-сюда, хлоп дверью – и нет. А его подруге что с нами сидеть? Тоже хлоп дверью – и ушла к приятельницам. Вот в это время – милости и прошу.

Жираф захмыкал, боднул американца рожками в лопасть и так, хмыкая, прогудел:

– Прямо по-американски. Вроде секса по расписанию. Живем теперь, да?!

9

Радио гремело некой радиопьесой со стрельбой и взрывами. Кого-то ранило, кого-то убивали, актеры верещали дикими голосами и кричали, перевязывая раны: «Не умирай!» Моментами для создания эмоционального фона вступала музыка, – она была под стать звуковым эффектам и актерским воплям: тоже словно бы садилась из автоматов и жала из минометов, а скрипки с альтами блажили, будто их резали.

Купе было полно. И адам со стремительно полнеющей евой, женщина, сидевшая с завязанной полотенцем головой, а кроме того... кроме того – сын, в явном нетерпении перетаптывающийся у стены с ноги на ногу.

– Ну, наконец-то! – воскликнул он, вскидывая руки, ступил к мужчине, обнял его, похлопал по спине и отвел от себя. – А то я уже собирался идти за тобой. Ушел курить и пропал!

По тону сына мужчина понял, что его появление здесь не связано ни с каким тревожным известием. Но вместе с тем слишком редко он здесь появлялся, чтобы его приход был вызван какой-нибудь пустячной причиной.

– Привет, привет, – сказал мужчина. – Счастлив видеть. – Так оно и было, он был рад видеть сына безумно, но сын до того далеко ушел от них, на такое громадное расстояние, что все свои эмоции в отношении него мужчина давно перевел в плоскость иронической интонации. – Что за дела занесли нас на этот малообитаемый остров? Вернее, что за проблемы? – поправился он.

– Да уж малообитаемый, – быстро глянув по сторонам, хмыкнул сын. Но это было с его стороны лишь данью вежливости – такой ответ, на самом деле теснота в купе его нимало не волновала. Его волновало лишь то, что заставило выбраться к родителям. Весьма волновало, раз выбрался. – Можешь со мной пойти? – спросил он.

– Куда? – ответно спросил мужчина. Хотя он знал и без того – куда. В вагон управления, куда еще. Им с женщиной должно было гордиться: их сын был одним из тех, кто вел поезд. Он был одним из них – и жил только этим. Ничего его больше не интересовало – только дела управления. И сейчас он звал мужчину пойти с ним, конечно же, из-за этих дел. – Вернее, зачем пойти? – поправился мужчина.

Сын нервно глянул на юную пару, так и ловившую каждое слово в их разговоре. Адам, тот смотрел на него взглядом, полным потрясенного изумления. Он, безусловно, знал сына, знал, кто он такой, – и вот чтоб он оказался их сыном!

– Если идешь, – сказал сын мужчине, – я тебе по дороге все объясню.

«Если идешь!» Разумеется, мужчина шел, другого варианта не могло быть.

– Пойдем? – посмотрел он на женщину. Теперь, когда этот адам увидел, кто их сын, можно было совершенно спокойно оставить купе вместе. Теперь открытая дверь по возвращении была гарантирована.

– Нет, я тебя прошу! – Сын вскинул запрещающим жестом руку. – Это не развлекательная экскурсия. Речь идет о серьезных вещах.

– Иди без меня, – подала голос женщина, коротко взглянув на мужчину.

Она уже давно приняла и свыклась с положением *оставленной* матери. Сын был высоко, далеко, он уже был как бы и не сын, а сын настоящий, которого она растила, остался лишь в памяти.

– Давай, давай, – не дожидаясь его окончательного согласия, понукнул сын мужчину. – Идем. Я тут тебя столько прождал, а у меня каждая минута на счету.

– Безмерно благодарен, что не оторвал меня от моей сигареты, дал докурить, – предоставляя полную волю своей иронической интонации, отозвался мужчина.

Про себя он подумал: а действительно хорошо, что сын остался дожидаться его здесь, не пришел в тамбур. Так бы помешал там разговору!

Сын пошел впереди, мужчина за ним. Перед дверью в тамбур мужчина оглянулся, – адам с евой выкатились в коридор и смотрели им вслед.

Идти оказалось далеко. Вагон, вагон, еще вагон... Мужчина уже и забыл, когда ходил в эту сторону поезда последний раз. Да теперь, когда в поезде было запрещено торговать съестным, не ходил уже и в другую сторону.

– Так что такое? – спросил он в спину сына, все так же двигаясь вслед за ним коридором очередного вагона.

Сын, не останавливаясь, вскинул над плечом руку и отрицательно поводит ею из стороны в сторону. После чего слегка повернул голову назад.

– Нет-нет, все на месте. На ходу ни слова. Это секретно. Совершенно секретно.

Они миновали еще один вагон, вышли в тамбур, и сын достал из кармана ключ. Это был не обычный железнодорожный ключ, каким закрывал дверь вагона проводник, поворот на девяносто градусов – и готово, это был мощный сейфовый ключ, истинное произведение охранного искусства.

– Ого! – невольно вырвалось у мужчины.

– Да, приходится, к сожалению, перестраховываться, – вставляя ключ в прорезь замка и с легким щелчком поворачивая внутри, отозвался сын. – Большое дело затеяно, нужно обезопаситься. А то все так и рвутся порулить. Будто это то же самое, что бутерброд съесть.

– Может быть, потому и рвутся, что хотят бутерброды есть? – проговорил мужчина.

Они с женщиной с той поры, как весь их стол ограничился тем, что предлагали «офени» на остановках, такой возможности – сделать себе бутерброд – не имели.

Сын вынул ключ из замка, потянул, открывая, дверь и кивнул мужчине: заходи первым.

– Хочешь есть бутерброды – ешь свои, а на чужие рот не разевай, – сказал он в спину мужчине.

Горбатые железные пластины пола в переходе мелко сотрясались под ногами и ездил одна вдоль другой, оглушительно грохотали под ними внизу колеса, в щелях между пластинами и гармошкой боковых стенок бешено рябили смутно угадываемые в темноте шпалы.

Сын вновь замкнул дверь, через которую они вошли в переход, на ключ, протиснулся мимо мужчины к противоположной двери и вставил ключ в нее.

Он вышел удивительно не похожим ни на мужчину, ни на женщину, был маленького роста, крупноголовый, толстый, и живот его, когда протискивался к двери, так и вмаял мужчине спиной в порушень сзади. И хотя это была плоть сына, то, с какой бесцеремонностью она приперла мужчину к холодному железному поручню, оказалось мужчине неприятно.

Замок щелкнул, сын открыл дверь, выступил в тамбур и жестом руки пригласил мужчину последовать за ним. Они достигли вагона, в который шли.

– Ну, слушай, – сказал сын, когда была закрыта и эта дверь, через которую они вошли. – Зачем я тебя позвал... Мы увеличиваем скорость. Должны увеличить. Обязаны. Слишком мы тихо едем. Тащимся, а не едем.

– Разве? – удивился мужчина. – Вроде бы вполне приличная скорость.

Сын поморщился.

– Это потому, что ты привык к такой. А она совершенно недостаточна. Ее нужно увеличить, и другого разговора быть не может. Нам нужно ехать быстрее. Много быстрее!

– Ага, – сказал мужчина, – понятно. И при чем здесь я?

– Ты должен сделать расчеты. Сколько понадобится топлива. На каких участках возможно предельное увеличение скорости, на каких нужно ее ограничить. Но чтобы везде, на всех участках мы мчались быстрее!

– Ага, понятно, – снова сказал мужчина. – Но почему именно я? Я ведь уже давно от всего отставлен.

– Ну, вот чтоб тряхнул стариной.

– Перестань, что за объяснение, – поморщился теперь, в свою очередь, мужчина. – Почему не привлекаете других? В том числе и тех, кто помоложе?

– А ты что, хотел бы переуступить эту работу тем, кто помоложе?

– Я спросил, почему не привлекаете других?

Сын помолчал. Потом по лицу его пробежала усмешка.

– А ты что, не догадываешься? Некому делать эту работу. Никого не осталось, кто бы умел. Ты, может, единственный. Все сошли. Пересели на земле. Кто как. Разве не заметил?

Мужчина вспомнил пустой коридор вагона перед тем, как тот заполнился молодыми людьми. Ну да, действительно, они с женщиной еще все удивлялись: почему стало так безлюдно?!

– А ты сам? Те, кто вместе с тобой? – спросил он.

Сын двинул подбородком. В том, как он это сделал, просквозило высокомерие.

– Мы управленцы. Наше дело практическое. Тебе – посчитать, а там уж мы со своим делом справимся наилучшим образом.

– А молодежь что же? – не удержался от укола мужчина.

– Никого нет, кто бы умел, ты не понял? – терпеливо повторил сын.

– Что ж, – проговорил мужчина. – Раз никого, кроме меня... Не могу отказаться. Да и зачем?

– Вот именно, – сказал сын.

Всунул произведение охранного искусства в отверстие замка на двери, ведущей в собственно вагон, щелчок, мягкое лепетание хорошо смазанных петель, и мужчина ступил вовнутрь.

Он ступил вовнутрь – и его оглушило.

Ему приходилось бывать здесь и прежде, но давно, весьма давно, и он не мог даже представить, что в вагоне так все изменилось. Раньше этот вагон был, как и все остальные: так же обит каким-то пупырчатым, болотного цвета резинообразным материалом, такой же ширины, с такими же окнами, состоящими из двух рам

– широкой внизу и узкой сверху, у него не было только отдельных купе, а одно общее пространство, подобно тому, как в вагоне-ресторане, и лишь несколько выгородок в этом пространстве для рабочих столов. Теперь же от того, старого вагона ничего не осталось. Внутренняя отделка являла собой яркое белое безбрежие, как бы заявляя этим безбрежием о всяческой чистоте, царящей здесь. Окна сделались одним сплошным стеклом, невероятно увеличившись по вертикали, так что возникало впечатление, будто потолок вознесся вверх на добрые полметра. Но самое главное, вагон стал шире, и это уже было не впечатление. Он стал шире не меньше, чем на два метра, это теперь была настоящая комната на колесах, дели ее для удобства и комфорта работы на отдельные помещения – вполне возможно; что неведомый мужчине проектировщик и сделал.

Сыну, заметил мужчина, взглянув на него, доставляло удовольствие видеть выражение отцовского лица. Он буквально наслаждался той оторопью, что выразилась на лице мужчины.

– Что, – с этим наслаждением и произнес сын, – недурно, да?

Мужчина покачал головой.

– Недурно. Но ведь это же какая ширина! Как же мы до сих пор не столкнулись со встречным?

– А ты не заметил разве, что мы едем по однопутке? У нас нет встречных поездов.

– Однопутке? – удивился мужчина. – Как странно. Я помню, когда мы садились, было две колеи. Но ведь еще – и опасность опрокинуться. На каком-нибудь повороте. И весь состав под откос.

Сын поднял указательный палец:

– Вот! Чтобы этого не случилось, и нужны расчеты. Мы должны увеличить скорость. Значительно увеличить. Но при этом не слететь с рельсов.

Мужчина помолчал. Что-то не укладывалось это все у него в голове.

– А зачем понадобилось так расширять вагон? Что за нужда? Оставить, как было, и никакой головной боли.

Сын снова двинул подбородком. И снова в том, как он это сделал, просквозило высокомерие.

– А как же нам всем здесь работать? Чтоб разместиться, чтобы достаточно комфортные условия для работы. Такие задачи перед нами! Штат пришлось увеличить вдвое. Какая бы тут работа в старом вагоне?!

Первым делом они позаботились о своем комфорте, стояло в мужчине ответом на слова сына. Он думал, произнести ли это вслух, – бессмысленно, конечно, было говорить, без толку, но пойдя удержись, – и он уже открыл рот, чтобы дать волю звучавшему в нем сарказму, но, не издав ни звука, сомкнул губы. Из глубины вагона, появившись из-за угла перегородки, блистающей невинностью снегов Джомолунгмы, появился в сопровождении нескольких молодых людей тот, что старшинствовал тогда за столом в ресторане, – может быть, сам начальник поезда. Он шел сокрушительным властным шагом, а по тому, как танцевали вокруг него молодые люди, было недвусмысленно ясно, что это – его охрана.

Старшинствовавший остановился в нескольких шагах, оглядел мужчину оценивающим взглядом, таким же сокрушительно-властным, как его шаг, и перевел взгляд на сына рядом. Сын, посмотрел на него мужчина, замер, вытянулся стрункой – насколько это было возможно при его росте и комплекции.

– Он самый? Батя? – кивнул старшинствовавший на мужчину.

– Верно. Он, – с послушностью отозвался сын.

Старшинствовавший снова вперил свой взгляд в мужчину. Мужчина его узнал, а он мужчину, разумеется, нет.

– Ну? Что? Сможешь?

– Да. Мы уже обо всем договорились. Сможет, – торопливо проговорил сын.
 – Заткнись, – коротко бросил ему старшинствовавший, не отрывая взгляда от мужчины. – Я спрашиваю, по мозгам работа? Осилят?

Мужчина пожал плечами:

– Что ж нет. Главное – иметь все исходные данные.

Теперь старшинствовавший опять посмотрел на сына:

– Предоставить!

Повернулся и двинулся прочь, тотчас поволочив за собой ореол из танцующих вокруг молодых людей.

– Уже все подготовлено! – крикнул ему в спину сын.

– Кто это? – спросил мужчина у сына, когда толпа укатилась обратно за угол перегородки и все вокруг снова стало тихо и пусто.

– Начальник поезда, – с почтительностью в голосе произнес сын. – Новый. Впрочем, и не такой новый, вот при нем уже это успели, – он повел вокруг руками, – реконструировать.

Начальник поезда. Правильно мужчина его определил. Действительно, вот что значит не слушать радио. Не узнать вовремя о таких судьбоносных переменах. Мужчина похмыкал про себя.

– Ну и мразь, – произнес он вслух.

Взгляд, которым сын наградил мужчину, будь «испепеляющий» не метафорой, а реальным обозначением температуры, превратил бы мужчину во мгновение ока в горстку пепла.

– Ты сюда не для оценок приглашен, – с металлическим скрежетом в голосе проговорил сын. – Сделай свою работу – и все. Не сверх того.

10

Адам, глядя на мужчину, взялся за рифленое колесико радио на стенке и, крутанув его, резко убавил звук. А затем и вовсе убрал.

– А?! – сказал он. – Что, плохо? Как отлично. А то у вашей жены голова болит, у моей тоже.

Он теперь часто провоцировал мужчину подобным образом. Буквально изводил его. У вас сын занимает такое положение, да что вам будет, говорил он. Да этот проводник просто не посмеет на вас бочку катить!

– Включите, молодой человек, – сказал мужчина. – Учитесь жить, не надеясь ни на чье заступничество. Включите, включите!

– Нет, а что? – откровенно поддразнивая мужчину, не внял его велению адам. – Вот оно молчит – и ничего. А этот если придет – ну, испытаем судьбу! Посмотрим, как он бочку покатит!

– Ой, ну вас же просят! – не выдержала, подала сверху голос женщина. Она лежала на их с мужчиной полке под потолком и листала книгу афоризмов, захваченную ими с собой в дорогу. – Если вам не хватает собственного ума понять, чем это все грозит, послушайте умудренных людей.

– Какие вы, умудренные люди, перепуганные. Какие перепуганные! – Адам поцокал языком, покачал головой. Он упивался владевшим им чувством превосходства. – Никакой опасности, а вы боитесь. Сами мучаетесь, других мучаете.

– Вот послушайте не просто умудренных, а мудрых людей, – сказала женщина. – Как раз для вас: «Упрямство рождено ограниченностью нашего ума: мы неохотно верим тому, что выходит за пределы нашего кругозора».

Адам молча выслушал максиму и ничего не ответил. Он снова посмотрел на мужчину:

– Ну? Оставляем так, да? Испытаем судьбу?

Ему доставляло удовольствие поддразнивать мужчину. С того раза, как здесь появился сын, адам стал терпимей к мужчине и женщине, в обращении его появилась некая уважительность, переходившая временами даже в нечто вроде подобо-страстия, но, хотя он и знал, что мужчина не согласится выключить радио, отказать себе в сладости куража адам не мог. Или, наоборот, потому и куражился.

Мужчина перегнулся через столик, дотянулся до колесика радио и крутанул его, возвратив прежнюю громкость.

– Родите-ка, милые мои, своего сына, вырастите его, пусть он взлетит как можно выше, тогда и экспериментируйте. Испытайте судьбу сколько угодно.

Ева должна была родить уже совсем скоро – ну, полторы недели, две, самое большее, – и пойдут пеленки, кормления, плач... при мысли о том, что их здесь ждет, мужчину и женщину охватывало ужасом.

– А что они, почему вдруг приказали радио держать включенным? – спросил адам. – Раньше, вы говорите, такого не было.

– Раньше радио не было, – сказал мужчина. – А почему приказали... Ясно же: чтобы мы какой-нибудь важной информации не пропустили.

– Кретинизм! – ругнулся адам.

– А правда, да, что раньше не все время темно было? – спросила ева. – Будто бы такие день-ночь сменяли друг друга? То темно, то светло, то темно, то светло.

– Правда, – подтвердил мужчина. – Никакого искусственного освещения не требовалось. Солнце светило с неба.

– Здорово как! – воскликнула ева. И протянула припоминаяще: – Помню-помню. Это такой белый диск. Невозможно смотреть на него.

– А и нечего было смотреть на него, – сказал адам. – Ночь или день – не все равно. Главное, чтобы поезд пер. Чтобы никаких поломок, чтобы пер, пер, пер!

– А вот еще вам, – непонятно к кому на этот раз обращаясь, сказала, склоняясь со своей верхотуры вниз, женщина. – Послушайте: «Любое, даже самое громкое, деяние нельзя назвать великим, если оно не было следствием великого замысла». Точно, да? И дальше: «Деяние и замысел должны соответствовать друг другу, не то заложенные в них возможности так и останутся неосуществленными».

– Так. И что? – дослушав женщину, обратился адам к ней лицо. – Это вы к чему? Что вы этим хотели сказать? Я что-то не понял!

Мужчина успокаивающим жестом положил адему на плечо руку:

– Так это, ни к чему. Просто мудрость. Не поняли – и забудьте.

Дверь с грохотом рванулась из косяка, поехала в сторону, и на пороге возник проводник. Оглядел купе, поведив глазами из стороны в сторону, влево-вправо, вверх-вниз, и удовлетворенно кивнул:

– Хорошо! Орет во всю мощь. Можно чуток и потише. А то когда так громко, тоже слышать перестаете.

Он, похоже, был немного навеселе – галстук сдвинут набок, фирменный пиджак расстегнут, ворот рубашки расхлостан – и оттого благодушен, глаза его блестели от довольства жизнью, собой, тем, что во вверенном его заботам хозяйстве все обстоит наилучшим образом, как должно.

– Во-во, вот так, нормально, – махнул он рукой, показывая мужчине, какую громкость оставить, и подмигнул: – Что, чайку, может быть? А? Хочется чайку?

По его улыбке, по тому, как он подмигнул, мужчине было яснее ясного, что предложение чая – это такой род забавы. Попросить, конечно, чая можно, но принесен он не будет. Какой там чай.

– Нет, спасибо, – отказался мужчина.

– Ну, нет так нет. – Проводнику было обидно, что не удалось позабавиться всласть. – А может, все же принести?

– Да нет же, – окончательно испортил ему кайф мужчина.

– Ладно тогда, – сказал проводник.

Выступил в коридор и вновь с грохотом закрыл дверь.

– Что?! – спросил мужчину адам. – Видите? Проводник же вам и сказал: по-тише. Сам! А можно, уверен, было договориться, чтоб и вообще выключить.

– А что же вы ни словом об этом не заикнулись?

– А не ко мне обращались.

– Вполне можно было обратиться и самому.

Адам сделал совершенно не свойственное ему постное лицо:

– Я, знаете, достаточно хорошо воспитан.

Мужчина не хотел – и всхрипнул:

– В самом деле?

– В самом деле! Да! А что? – рьяно вступилась за отца своего будущего ребенка ева.

– Послушайте еще, – голосом, полным отраженного хохотка мужчины, проговорила сверху женщина. И выставила с полки руку с книгой: – «Истинно благородные люди никогда этим не кичатся». А вот с другой страницы: «Любой наш недостаток более простителен, чем уловки, на которые мы идем, чтобы их скрыть».

Женщина читала, – адам начал переодеваться, облачая себя в одежду, в которой ходил работать.

– Ну все, хорош грузить, – оборвал он женщину, когда она дочитала вторую максиму. – Нечего массы просвещать, они и так все знают. Вот если производится нападение с применением огнестрельного оружия скорострельного боя, а вы вооружены только пистолетом, как вы будете в этом случае действовать?

– Никак, – ответила ему женщина сверху. – Я не охранник.

– Только без иронии! – сказал адам, поддергивая на себе пятнистые просторные штаны камуфляжной формы и принимаясь звенеть пряжкой ремня. – Профессия охранника сейчас самая востребованная и почетная. Охранник, я бы заметил, – символ времени.

Это было точно, он был прав: охранников стало вокруг – каждый второй. Почти все молодые ребята из вагона ходили в камуфляже, грохотали тяжелыми ботинками, побитыми металлом, стриглись как ежи. Никогда прежде в вагоне, еще до того, как он опустел, мужчина и женщина не видели такого количества людей, работающих охранниками. Можно было подумать, поезд на одной из остановок набил некими сокровищами, и теперь требовалось стеречь их и стеречь.

«Что вы там все стережете?» – хотелось спросить мужчине. Но он прекрасно знал, что ответа не будет, и воздержался.

11

Ева, как это у них было заведено, выкатилась из купе практически следом за адамом. Женщина спустилась вниз и села на полке, вытянув перед собой ноги.

– Ух, хоть немного отдохнуть, – выговорила она.

– Ну да, какой отдых, когда гости! – ответил ей голос из-под стола. С улыбкой до ушей оттуда выбирался жираф. – Гости – это всегда хлопоты, а раз хлопоты – какой тут отдых?

– Ой, кого вижу! – Женщина сама расплылась в улыбке шире, чем у жирафа. – Вот, наконец, сообразил, когда прийти. А то что же: когда здесь эти!

– Упрек справедливый. Принимаю – и с чувством вины склоняю голову. – Жираф медленным движением согнул шею и прижал голову к груди. Подержал ее так мгновение и разогнулся. – Что? Прощен? Едем дальше?

– Едем, едем, – сказала женщина.

– Уф, слава Богу! – отозвался жираф. – Хуже нет, как стоять на месте. Терпеть не могу стоять на месте. Вот за что я люблю американцев – никогда не стоят на месте. Всегда в движении. Я, пожалуй, готов даже простить испанцев. Знаете, за что?

– Да, за что? – спросила женщина.

– За Колумба. За то, что ему не сиделось на месте, и он открыл Америку. Колумб, он ведь испанец?

– Бродяга он безродный, – сказал мужчина, не позволявший себе до этого вступать в разговор женщины и жирафа и наблюдавший за всем со стороны. – В Генуе родился, так испанец? Есть сведения, он был итальянским евреем.

– М-да? – Жираф изобразил огорчение. – Жалко. Значит, испанцам придется жить не прощенными мной.

– Ну, они, наверное, как-нибудь перебьются, – с покровительственностью, которая всегда прорезалась в ней при общении с жирафом, произнесла женщина.

– Да, придется им перебиваться, – подтвердил жираф. – Как я душевно ни щедр, но доброта моя не бесконечна.

О, он был мастер точить ляды. Что он мог бесконечно, так именно что точить ляды. Только отбивай посланный им мяч обратно. За этой игрой он мог забыть обо всем, даже и о деле. Если оно, конечно, имелось. А нынче оно имелось.

– Где же твой приятель? – спросил мужчина. – Что ты его выдерживаешь?

У них с женщиной – после той встречи с жирафом и американцем в тамбуре – произошло долгое, тяжелое объяснение. Она не верила в искренность американца, ей мнился здесь какой-то обман, подвох; но по прошествии самого недолгого времени в ней вдруг проснулось горячее, нервное нетерпение, она стала ждать появления жирафа с американцем как некоего судьбоносного события. И мужчина видел, как, обрадовавшись жирафу, балагурия с ним и насмешничая, она тут же вся напряглась и на самом деле хочет сейчас одного: чтобы ее обидчик поскорее предстал перед нею. Ну, когда? – читалось в ее глазах.

– Я выдерживаю своего приятеля, – изображая из себя примерного, занудливого ученика, по-школьному ответил мужчине жираф, – чтобы он созрел как хорошее вино. – Считаете, что уже достаточно выдержал? Могу откупорить.

– Откупоривай, – сказала женщина.

– Откупоривайся! – крикнул жираф.

Американец спустился с потолка, звучно шелестя сливающимися в прозрачный круг лопастями, словно вертолет. Коснулся пола двумя лапами, качнулся, утвердился на всех трех и отключил двигатель. Прозрачный круг обрел плотность, лопасти выскакивали из него на мгновение, давая схватить себя глазом, и тут же прятались обратно, потом стали выскакивать чаще, чаще, перестали пропадать, крутятся все медленнее, и, наконец, встали.

– Здравствуйте, – произнес американец, отвешивая поклон мужчине и затем, отдельный, глубокий, женщине. Выпрямился, замер, постоял так в молчании и передернулся сверху донизу, словно его потрянуло током. – Не знаю, что говорить, – обращаясь к женщине, выдал он скрежещуще, будто не смазывался сто лет, и все у него внутри спеклось ржавчиной. – Что ни скажи – не передашь. Я ужасно сожалею о своей глупости. Не понимаю, как мог так вести себя. Ужасно сожалею, ужасно! Я готов был бы пасть на колени, но у меня нет коленей. И это тоже ужасно, ужасно!

Американец разволновался, лопасти его стали вздрагивать. Мужчина вспомнил, это он так тогда в тамбуре говорил американцу: «На колени пасть, чтоб она простила!»

– Я лично могу считать, что вы пали на колени, – сказал он. И посмотрел на женщину: – Я лично считаю.

Ее лицо горело радостью удовлетворения. Но сквозь эту радость пробивалось и опасливое чувство недоверия: а вдруг тут все же какой-то подвох? Какой-то непонятный хитрый ход?

– Да, до меня дошли слухи о вашем сожалении, – церемонно произнесла она.

– Да ну, янки, янки, что с него возьмешь! – завопил жираф. – Дуб, ни бельмеса в нашей реальности, а показать себя хочется, – вот и показал!

– Вот показал! – эхом подтвердил американец.

Мужчина расхохотался. До того это было уморительно. Похоже, американец и в самом деле был простодушный и прямой парень, покажи палец, скажи «смешно» – и оборжется.

– Ты чего? – посмотрела на него женщина.

– Спиртику бы нам граммов по пятьдесят хряпнуть, – сказал мужчина. – Осталось у тебя? Ну, чтобы отметить такое событие!

Он не сомневался, что у нее осталось. Еще с той поры, когда отоваривались продуктами в самом поезде. «Рояль» в толстобокой зеленоватой литровой бутылке. Припрятала. Не могла не припрятать.

– Да? Спиртику? – посмотрела на него с осуждением женщина. – Ну, этот ладно, этот – конечно, – махнула она рукой на жирафа. – Но вы-то? – взгляд, который она устремила на американца, свидетельствовал, что его покаяние принято, и осталось лишь утвердиться в новом отношении к его персоне.

– Я... ну а я что! – переступил американец с лапы на лапу. – Я технический механизм, мне некоторые детали спиртом – очень даже на пользу.

– И ему на пользу! – воскликнула женщина.

Через две минуты и мужчина, и жираф, и американец – все были вооружены и сдвинули свои начиненные девяностошестидесятиградусным жидким порохом граненые орудия в стеклянном звяке.

– Нравится мне эта ваша традиция – позвенеть бокалами! – не преминул одобрить американец.

– Уж бокалами! – смущенно прокомментировала со стороны женщина.

– Надо же как-то и слух усладить, – готовясь принять в себя этот жидкий порох, отвечивал мужчина.

– Эх, чтоб не последняя! – воскликнул жираф.

И лихо метнул в себя свою порцию, не став запивать водой. Только по всему его большому телу, от холки до хвоста, пробежала судорожная крупная волна озноба.

Американец отправил во внутрь налитое ему добро неторопливой тонкой струйкой.

– Очень мне даже на пользу, – подытожил он, закончив журчать.

– Ну, разве не наш человек?! – наклонился к нему, боднул его рожками в лопасть жирафа. – Узнает нашу жизнь лучше – совсем наш будет.

Американец с живостью закивал своей большой головой:

– Да, да, между прочим, да! – И старательно поискал взглядом взгляда мужчины.

– Расскажите мне о своей жизни. Очень вас прошу. А то я так мало знаю о ней!

Мужчина, приходя в себя после принятого внутрь порохового взрыва, похмыкал. Вот так взять ему и рассказать. Разве можно узнать чью-то жизнь из рассказа? Всякую жизнь нужно прожить. Тогда и узнаешь ее. Как ни из какого рассказа.

– Мчимся! – воскликнул он, отвечая американцу. – На всех парах, на всех парусах, – что есть мочи. А скоро будем еще быстрее. Наравиваем скорость!

Мужчина произнес это – и вспомнил о том вагоне, в котором недавно побывал. Вагоне управления. Каким они сделали его широким. Невероятно.

– А вообще хрен-те что! – проговорил он. – Хрен-те что, ей-богу. Какая-то у нас команда управления... странная команда! Можем разбиться в любое мгновение. Увеличили габариты своего вагона. Хорошо, сейчас едем по однопутке. Но так же не всегда будет! Завтра стрелка – и вынеслись на двухпутную. И все. Конеч. Встречный состав – и катастрофа. Снесет нас, закувыркаемся под откос, костей не соберешь. А они: «Нормально!» Нормально им! Им там, конечно, нормально: просторно, комфорт, не жизнь – сплошное удовольствие. Но безопасность? Будущее? Они ни о безопасности, ни о будущем – ни о чем не думают. Даже о собственном будущем. О собственном!

– А этот начальник поезда, – вмешалась в речь мужчины женщина, – просто мразь. Вот его, – указала она на мужчину, – так по указке этой мрази отделали... Ни за что ни про что – просто попался под руку. Весь в крови пришел. Вот кого бы, – теперь она обращалась к американцу, – кого следует самого отделать – эту мразь. Чтобы знал. Чтобы понял кое-что. А то никто ему поперек ни слова...

– Перестань! Не подзуживай, – прервал ее мужчина. – Злом на зло... камень на камень, кирпич на кирпич... и вырастет высотный дом зла. Вот что еще странно, – перевел он взгляд обратно на американца, – странно так странно, страннее некуда... – Спирт всасывался со страшной силой, уже действовал, и язык несло, он молотил сам по себе, словно бы существуя отдельно от мужчины. – Я им расчеты скорости делаю. Где с какой проходить. Они мне данные дали – и я по ним. Где прибавить, где убавить. Чтобы не опрокинуться, насыпь чтоб выдержала. Ну, понимаете, да?

– Понимаю, понимаю, – покивал американец.

– Янки, они сообразительные, – с ухмылкой вставился жираф. – Во всяком случае, наш друг из таких.

Женщина погрозила ему пальцем:

– Не насмешничай!

– Да, так вот что странно, – повысил мужчина голос. Он еще ни разу ни с кем не говорил об этом. Даже с женщиной. Как-то так получилось. Что было говорить с нею. Все равно, что с самим собой. – Получается, что мы все время движемся по дуге. По дуге и по дуге. Дуга больше, дуга меньше. Только иногда по прямой. И такие это короткие отрезки! Чуть по прямой – и снова по дуге. Снова и снова!

– Как это может быть? – недоуменно спросил американец. Он был дотошным парнем, ему хотелось проникнуть в самую сердцевину чужой жизни, выяснить самую суть. – Что это значит?

– Не могу просечь! – сказал мужчина. – Вот уже сколько времени прошло, думаю временами – и просечь не могу!

– Тут и просекать нечего. – В улыбке жирафа была счастливая хмельная убаготворенность. – Это значит, что мы не в поезде, а на корабле. И движемся к цели не по прямой, а галсами.

– А? Так? – посмотрел американец на мужчину.

Все же он был и туповат, несомненно. Галсы галсами, но какой корабль, когда рельсы под днищем!

Мужчина, однако, не успел ответить ему. Ручка на запертой двери задергалась, дверь запрыгала, и в нее постучали.

Это был не проводник, наверняка. У проводника имелся ключ, и, не открыв двери, он бы не стал стучать, а просто отомкнул ее. И все же не следовало, чтобы кто-то видел их гостей. Хватит того раза, когда они наткнулись на адама с евой.

– Исчезайте! Живо! Давайте! – шепотом велел мужчина.

Женщина бросилась прятать стаканы с бутылью «Рояля». Стекло предательски звенело, она тыкалась в одно место, в другое – и все оказывались неподходящими.

– А если мне совсем не хочется уходить? – В голосе американца была пьяная неуступчивость.

В дверь застучали снова, и затем ее затрясли.

– Забирай его, забирай, давай же! – хлопнул мужчина жирафа по шее.

– Его заберешь! – с хмельной усмешливостью проговорил жираф.

– Помоги мне спрятать! Куда? – затеребила мужчину за рукав женщина.

Стук в дверь прекратился, и трясти ее тоже перестали.

Мужчина вскочил на стол, принял от женщины стаканы, бутылку и сунул все под подушку на их полке под потолком. Когда он спустился вниз, они с женщиной были в купе вдвоем. Жираф с американцем словно испарились.

В замок двери вставили ключ, щеколда щелкнула, ручка опустилась, оттягивая собачку, и дверь с грохотом отъехала в сторону. На пороге стоял проводник, из-за его спины выглядывала ева.

– Почему не открывали? – спросил проводник.

– Я стучалась, стучалась... – проговорила ева.

– Я еще мужчина, – сказал мужчина.

– А я еще женщина, – тотчас подхватила женщина.

Проводник втянул в себя воздух.

– Псиной у вас воняет. – Он пошевелил ноздрями еще. – И жженым маслом.

– Спиртом у них здесь пахнет, – тоже втянув в себя воздух ноздрями, жалующимся голосом сказала ева.

– Спиртом? – переспросил проводник. И унюхал. – Спиртом, точно! – Он расхохотался: – Ну-ну! Понятно. Алкоголь в этом деле вещь полезная. Пардон, что помешал. Но вот прибежала, – указал он на еву за спиной, – не пускают, не пускают!

Ева выступила из-за его спины, протиснула мимо проводника живот в купе и следом ступила сама.

– Именно что не пускали, не так разве? – сказала она.

– Но псиной все же у вас воняет, – приготовься уходить, поводит проводник носом из стороны в сторону. – Смотрите, заловлю!

Он ушел, закрыв дверь, ева, все еще не пришедшая в себя от потрясения, пережитого перед запертой дверью, тотчас легла, закрыла глаза, и мужчина с женщиной тоже полезли к себе наверх. Им тоже требовалось отдохнуть. Они тоже пережили кое-что.

В барабанную перепонку, когда легли, переброшенный через оси, подвеску, через стенки вагона, полку, слегка приглушенный подушкой, ударил грохот колес о рельсы. Поезд мчался, пожирал пространство, стремил себя вперед. Прогремел металлический мост над каким-то овражком. Хорошая была скорость. А невдолге поезд должен был помчаться еще быстрее. Мужчина уже заканчивал расчеты, почти закончил. Теперь – только воплотить теорию в практику.

12

Видимо, на станции, вещавшей по радио, была возможность увеличить звук независимо от того, насколько вывернута ручка включения, – динамик, гремевший барабанной музыкой с привычной громкостью, прервав барабан на середине фразы, вдруг словно взорвался: голос диктора, вырвавшийся оттуда, был истинно ударом грома.

– Внимание, чрезвычайное сообщение! Внимание, чрезвычайное сообщение! – выкатываясь из динамика, грохотал голос.

Мужчина с женщиной только что взобрались на свою верхотуру, собираясь ложиться спать, ева уже лежала, может быть, даже и спала, не было только адама,

несшего где-то свою ответственную охранную службу. Мужчина слетел вниз, крутанул колесико, чтобы приглушить раскаты грома, ева, соскочив босыми ногами на пол, со вздыбленной на животе ночной рубашкой, с диким видом, слепо глядя перед собой, стояла у стенки, тряслась, будто ее колотило в ознобе, и вопрошала в пространство:

– Что случилось?! Что случилось?! Что случилось?!

– Сейчас узнаем, – ответил ей мужчина. – За чем-чем, а за этим не заржавеет.

– За чем не заржавеет? – спросила ева, глядя перед собой все тем же слепым взглядом, похоже, не отдавая себе отчета в своем вопросе.

– За сообщением, обещают же, – нарочито обыденным голосом отозвался мужчина.

– Скорее не обещают, а угрожают, – поправила его сверху женщина.

– Зачем угрожают? – тотчас вцепилась в брошенное слово ева.

– Да нет, никто не угрожает, это шутка, – успокаивающе проговорил мужчина, с укором взглядывая наверх на женщину. – Шутка. Элементарная шутка.

Однако сообщение оказалось далеко не успокаивающим. Мужчина такого даже не ожидал.

– Внимание, чрезвычайное сообщение! – прогрехотал динамик в последний раз; последовала пауза, и тот же голос, что делал предуведомление, так же грохоча, наконец, сообщил: – Всем, находящимся в купе, независимо от возраста, состояния здоровья и самочувствия, незамедлительно выйти в коридор! Приказ обсуждению не подлежит и должен быть исполнен строго и неукоснительно. Все невышедшие автоматически будут считаться подозреваемыми. Повторяю: подозреваемыми!

– Подозреваемыми? В чем подозреваемыми? – снова спросила в пространство перед собой ева.

Ей было бы куда легче, если бы рядом сейчас находился ее адам. Ее бы, наверно, успокоила просто его рука, держащая ее руку.

– Да, в чем подозреваемыми? – вслед еве недоуменно проговорила женщина, свешивая вниз ноги и приступая к процессу спуска. Он у нее проходил в несколько этапов и затягивался довольно надолго.

– В государственной измене, в чем еще! – позволил себе прозубоскалить мужчина.

Хотя на самом деле прозвучавшее сообщение встревожило и его. Даже не встревожило, а как бы подняло ему внутри дыбом шерсть. Буквально такое было у него ощущение. Словно бы там, внутри, он был неким зверем, и вот этот зверь почуял опасность.

В коридоре, когда они все трое вытиснулись туда, было уже полно. Юные создания, населявшие теперь вагон, исполнили отданное по радио приказание с бравой солдатской поспешностью. Словно перед тем, как предоставить им здесь места, их специально тренировали. Они громко переговаривались, перекрикивались, в коридоре стоял гвалт – казалось, в воздухе разлита атмосфера молодой беспечности и легкомыслия. Но нет, отметил для себя, оглядевшись, мужчина: то была атмосфера старательно скрываемого страха. Юные создания вокруг были так же ошеломлены и испуганы, как и беременная ева. Только, не смея признаться в том друг перед другом, прикрывались, как фиговым листом, громким перекрикиванием. Но лица их выдавали. Как бы, при всей молодой неопытности, юные создания знали о своем пребывании здесь нечто такое, что не было известно ни мужчине, ни женщине, – и вот это знание оттиснулось ошеломлением и испугом в выражении их лиц.

Покушение, покушение, покушение, зашелестело затем по коридору. Слово перепархивало с языка на язык от одного к другому легкой бабочкой с листка на

листок. Оно, в отличие от всех иных, звучавших сейчас в коридоре, не произносилось громко, оно шепталось, и еле слышно, едва различимо, но, только возникло, тотчас же показалось, оно одно и звучит.

– Покушение? – тоже шепотом, с недоумением проговорила женщина, поднимая глаза к мужчине.

С тем же недоумением, что было в ее голосе, он пожал плечами. Ну, покушение. Может быть. Сейчас все разъяснится. К ним это дело не имело отношения. Конечно, сын работает в вагоне управления, но он вовсе не та фигура, чтобы покушаться на него. Если на кого-то и покушались, то на кого-то высокого. Очень высокого. Может быть, на того же начальника поезда.

«Начальник поезда» – эти слова и зашелестели по коридору следом. «Начальник поезда», «начальник поезда» перепархивало теперь тою же легкой бабочкой, что мгновение назад «покушение». Мужчина удовлетворенно взглянул на женщину: слышала? Она подтверждающе покивала: слышала. «Скрылся», «ищут», «не мог исчезнуть», – мотыльково промельтешило еще. Кто-то что-то знал, как-то откуда-то сведения приходили. Или специально делали утечки. Ознакомляли. Готовили. К чему?

Взрыв криков, раздавшийся в конце коридора, около дверей в тамбур, с несомненностью свидетельствовал, что из тамбура, шибанув дверь, в вагон разом вломилось несколько человек. «А-а!.. Что же вы!.. Ой, больно!..» – кричали, вопили, визжали придавленные. Словно волна прокатилась по вагону, уплотняя толпу, заставляя валиться на соседа, переступать ногами, торопливо перешагивать на новое место. «Молчать! Всем стоять! Не двигаться! Открыть купе!» – перекрывая голоса придавленных, прорывкали с лающей волчьей беспощадностью другие голоса, – опять же, несомненно, тех, что вломились из тамбура. И новая волна побежала по коридору: пришедшие принялись ввинчиваться в толпу, раздвигать ее, прошивать своими телами. «Открыть купе! Дверь нараспашку!» – кричали они, продвигаясь вперед, все ближе и ближе подходя к мужчине и женщине.

Женщина, почувствовал мужчина, дрожит. Впрочем, беспокойство все сильнее охватывало и его самого. Чем-то происходящее напоминало ту давнюю пору, когда проводником был усатый. Конечно, когда в вагоне властвовал тот усатый, они с женщиной были детьми, они совсем плохо помнили то время, совсем смутно, но у этой памяти был запах, был цвет, и вот эти запах и цвет! – они будто прорвались оттуда, из детских годов сюда, в это происходящее сейчас действие, расцвели всеми своими красками.

– Не волнуйся, нет повода, ничего страшного! – нашел он руку женщины, взял ее в свою и крепко сжал. – Ничего страшного, набраться терпения, переждать это дело – и все.

– Да? Ты думаешь? – отозвалась женщина.

– И ты не волнуйся, девочка, – вспомнив о беременной соседке, взял он другой рукой руку евы, впервые назвав ее так, – словно она была ему родной.

Ева ничего не ответила ему. Но рука ее ухватилась за его руку так, что мужчина почувствовал: захоти он освободить свою руку – она не отпустит.

Шевеление толпы, пропускавшей сквозь себя ворвавшихся в вагон, нарастало, и вот первый из ломившихся по коридору оказался рядом с женщиной. Это был не кто другой, как та масса, что упражнялась на нем в вагоне-ресторане, – мужчина сразу узнал его. На массе пузырилась новенькая камуфляжная форма, и сам он под нею тоже весь пузырился и бугрился – выпирал из нее всеми своими мышцами.

– Купе! Дверь! – рывкнул он на мужчину, хватая его и швыряя в распахнутый дверной проем. – Шире! До упора!

Покатился, буравя толпу, дальше, а на его место протолкалась другая камуфляжная фигура, — и оказался это собственной персоной адам.

— Ой! — воскликнула ева, увидев его перед собой.

Скорее она заново испугалась, чем обрадовалась. Во всяком случае, ее рука, как и тогда, когда масса бросил мужчину в дверной проем, не оставила руки мужчины, а только сильнее сжала ее.

— Покушение! Слышала? — склоняясь к ней, жарким шепотом проговорил адам.

— Сволочь эта американская. Который и к нам тогда лез. Несколько ударов успел нанести. Скрылся, сволочь!

— Который... тогда... к нам? — как-то сомнамбулически выговорила ева.

— Да перекинь твою марганца! — выругался адам. — Что ты так растряслась?! Сейчас поймаем его — и ша, сволочь! А остальным чего трястись?

— Стоять всем в коридоре, купе свободны! — проорал масса, пробравшийся в другой конец коридора. Видимо, по условиям операции ему полагалось управлять ее ходом оттуда. — Приступить к досмотру купе! Любой препятствующий досмотру считается подозреваемым!

Евина рука в руке мужчины крупно и сильно вздрогнула.

— Да что ты, девочка, — с тем же внезапно возникшим отцовским чувством к ней проговорил мужчина. — Не волнуйся ты так, в самом деле. Ты-то какое отношение имеешь к этому покушавшемуся. Что ты, девочка!

Но успокаивая ее, он успокаивал и себя. Вернее, женщину, чья рука при словах адама об американце, в противоположность руке евы, сделалась слаба, безвольна и покрылась потом. Ева не имела отношения к покушению — или что там было, — и ей действительно нечего было волноваться. А вот они с женщиной отношение имели. Самое прямое, непосредственное. Как там она сказала американцу про начальника поезда: «Кого следует... отделать — эту мразь». Едва ли у нее было намерение завести американца по-настоящему. Так, высказалась. Но получилось, что завела. Единственно, что никому об этом не известно. Кроме них двоих да самого американца с жирафом.

Орда в камуфляже прошла по купе вагона беспощадным смерчем. Грохали крышками нижние полки, летали с места на место полки верхние, взламывались, если не находились моментально ключи, чемоданы, открывались сумки, содержимое коробок вытряхивалось на пол. Обыскивался каждый закоулок, дальние темные углы просвечивались фонарем.

Потом охранники стали вскрывать всякие полости в стенах и потолке. Взгромождались на лестницы, отвинчивали отвертками шурупы на крышках, снимали их, залезали внутрь головами, снова светили фонарями.

Вот тут, когда начали шарить по внутренним полостям, мужчина ощутил совершенно реальный укол паники. Он не знал, откуда они приходят к ним с женщиной — жираф и американец, — не имел понятия, и жираф, когда спрашивал его об этом, неизменно уклонялся от ответа. Но на самом деле догадаться было несложно. Все варианты уместались в счет «раз-два».

Жираф обнаружился под крышкой кондиционера в соседнем купе. Поразительно, как он только сумел поместиться там. Его проволокли сквозь толпу по коридору в купе проводника, — он не сопротивлялся, покорно переступал ногами и, лишь когда удар дубинки оказывался слишком силен, всхрапывал, выворачивал голову, бешено вращал влажным выпуклым глазом, будто мог этим устроить обидчика.

Зато оказал яростное сопротивление американец. Его нашли там, где, похоже, и не собирались искать, — в расположенном под полом коробе для грязного белья. Охранники о коробе или забыли, или не знали вообще, уже собрались все вместе, уже готовились к броску в следующий вагон, — из своего купе появился проводник, окликнул массу, спросил о чем-то, тыча в пол, и масса, побагровев, в

сопровождении двух подручных, расшвыривая всех на своем пути, тотчас бросился к указанному месту. Задрали лежавшую на полу ковровую дорожку, подцепили крышку люка, откинули... американец выметнул себя изнутри грозным боевым вертолетом, убийственным смертоносным орудием, врезал посвистывающим кругом лопастей, веющим ветром, массе по лицу, врезал одному его подручному, другому и снова массе...

Удар дубинкой, что обрушился на американца следом, был ужасен. Что-то в нем хрустнуло, треснуло, проскрежетало со страшным, размалывающим звуком, и из середины вращающегося прозрачного диска вылетела какая-то деталь. Влепилась в стену, пробилла пластмассовую обивку и, оставив после себя черную рваную пробоину, громко прогремела о железо внешнего корпуса. Вторая дубинка вырвала у американца шмат резины из лопасти. Третья влупила ему по лапам, он упал. Вскочил – и от нового удара тотчас упал вновь.

Его охаживали в три дубинки, он крутился по полу, подпрыгивал, вращал искалеченными лопастями, все пытался подняться, – его молотили, молотили, молотили...

Еще он, непонятно для всех, кроме мужчины и женщины, беспрерывно кричал – осколками фраз, слов, слогов:

– Ваш!.. Безумные!.. Поезд ведут!.. Широкий вагон!.. Однопутка!.. Пока!.. Когда двухпутка... Безум... Столкновение сразу!.. Нельзя допустить...

Постепенно его крик делался все нечленораздельнее. Потом он смолк. Летели во все стороны шматы резины, какие-то детали, с хрустом рассадился корпус, подвернулась одна лапа, отскочила другая. Искалеченные лопасти вращались медленнее, медленнее, двигатель взывал, скрежетал, из него повалил дым, выметнулось изнутри пламя. Лопасты остановились. Американец попытался приподняться еще раз, удар дубинки бросил его обратно на пол, он упал и больше не шевелился. С американцем было покончено.

13

– Так, значит, так она ему и сказала: «Отделать эту мразь, чтобы знал»? – указывая на женщину, спросил проводник жирафа.

– Так и сказала, – всхлупывая носом, ответил жираф.

– И прямо так: «мразь»? – уточнил проводник.

– Прямо так, – отозвался жираф.

– Получается, прямо науськала?

– Получается, – согласился жираф.

Очная ставка с жирафом была устроена мужчине и женщине в вагоне-ресторане. Впрочем, вагон-ресторан использовался, вероятней всего, не только для очной ставки. Надо думать, здесь же до того проходил и допрос жирафа. Скатерти со столов были сняты, столы сдвинуты в один угол, поставлены друг на друга вверх ножками, а на них сверху, так же вверх ножками, накиданы в беспорядке стулья.

Сумрачно выглядело место веселья и развлечений.

Некоторое время, получив подтверждение жирафа, что женщина буквально науськала американца на начальника поезда, проводник сидел в молчании. Глядел неотрывно на женщину и молчал. Он один сидел во всем вагоне-ресторане, все остальные стояли. В том числе и охранники в камуфляже, сжимавшие их четверку – проводник, мужчина с женщиной, жираф – плотным мускулистым кольцом.

– Ну так что, – прервал, наконец, молчание проводник, обращаясь к женщине, – все так, подтверждаете показания?

– Нет, ну ведь я и думать не думала, – с торопливостью бросилась отвечать женщина, – что он сделает из моих слов такие практические выводы! Это была такая риторическая фигура, выражение моих чувств, моя оценка того, что начальник поезда позволил в отношении...

– Вы подтверждаете, – прервал ее проводник, – что вы сказали «отделать»? Да или нет, отвечайте: да или нет?

– Да, – произнесла через паузу женщина. – Это было, да.

– И «мразь»? «Мразь» вы тоже употребляли?

Женщина снова выдержала паузу. О, как ей не хотелось отвечать! Но что оставалось делать? Не ответить?

– Да, – вновь подтвердила она. – Да.

– Все, к вам вопросов у меня больше нет, – убирая с нее взгляд, сказал проводник. И объектом его внимания вновь сделался жираф. – А кто, значит, сообщил эти сведения о вагоне управления, о колее? О габаритах вагона, о том, по какой колее мы едем?

Он вообще был отменно вежлив – как никогда, даже, пожалуй, благожелателен и добросердечен, казалось, он выясняет интересующие его факты для того, чтобы в конце концов сделать для мужчины и женщины что-то необыкновенно хорошее. Но вид жирафа не позволял обмануться поведением проводника. Вот уж кто был отделан так отделан – это жираф. Морда его представляла собой сплошной синяк. Глаза заплыли, превратившись в бритвенные прорезы. Разбитые губы, в корке запекшейся крови, расплылись на пол-лица, из носа все еще продолжало подтекать, и на каждый вздох свиристело.

– Кто-кто, – хлюпя этим разбитым носом, отозвался на вопрос, заданный ему проводником, жираф. – Он вон, кто!

Голова его мотнулась в сторону мужчины, казалось, он хотел сказать мужчине столь экспрессивным движением: а что мне еще делать! прости, если можешь!

– Подтверждаете? – перевел проводник взгляд на мужчину. – Вы сообщили? Мужчина пожал плечами.

– Извините, но я ничего не сообщал. Я просто сказал. Упомянул об этом, вернее так.

Проводник отмахнулся от его уточнения:

– Это неважно. «Сообщил», «сказал», «уточнил». Все одно. От вас информация исходила? От вас!

– Это не информация.

– Информация, информация, – сказал проводник. – А вот то, что молоти про откос, про катастрофу – это уже не информация, точно. Это уже пропаганда. Панических настроений. Говорил он про катастрофу? – посмотрел проводник на жирафа.

Жираф с торопливостью старательно закивал головой:

– Говорил. Говорил, хорошо, сейчас едем по однопутке. А как двухпутка, встречный поезд – и тут же под откос. Вот таким образом!

– Ну?! – теперь проводник опять смотрел на мужчину. – Будем отрицать?

– А что, это не так, как я говорил? – спросил мужчина.

– Так, не так – это не важно! – Впервые за все время проводник позволил себе утратить свои благожелательность и добросердечие. Как бы волчий оскал проступил из-под его овечьего облика. Образ того, кто с легкостью мог сотворить сделанное с жирафом. – Важно, что вы сеяли панические настроения! Сеяли – и посеяли! Добились, чего хотели! И ну-ка, что он там о галсах нес? – даже не повернув головы к жирафу, приказал проводник тому вновь давать показания.

– Он говорил, что мы едем галсами, как какой-нибудь корабль, – с готовностью отвечал жираф.

Мужчина не смог удержать усмешки. Это жираф так специально, не в силах побороть свою натуру, или в самом деле забыл, о чем говорилось в действительности?

– Я говорил о дугах, – сказал он. – Галсы и дуги – это все же разные вещи. А о дугах – да. Мне показалось странным, как мы движемся.

– Галсы, дуги. В конце концов, это – все одно, – сказал жираф. – Не имеет значения, как называть.

– Вот именно, – с поразительной поспешностью согласился с ним проводник. – Главное, говорил об этом!

У мужчины не было никакого желания спорить с ними. Хотят считать галсы и дуги одним – Бога ради, их дело.

– Говорил, – подтвердил он.

Проводник намеревался спросить мужчину о чем-то еще, но был прерван. Тяжелым медлительным голосом, раздавшимся откуда-то из-за свалки столов и стульев:

– Достаточно. Все ясно.

Мужчина пригляделся – и увидел: там, за столами, в полутьме, так что едва светились фарфоровыми пятнами лица, сидело в ряд несколько человек. Словно бы неким зрительным залом. Или судом. А голос, остановивший проводника, принадлежал начальнику поезда. Он сидел посередине этого ряда, закамуфлированного перевернутыми столами и стульями, сидел так, что все остальные располагались от него на почтительном удалении, и несомненно, он и был главным распорядителем действия.

– Мужик с бабой пусть пока в стороне погужуются, – приказал проводнику начальник поезда. – Девчонку давай. Что она!

Охранники, молчаливо стоявшие все это время кольцом, пришли в движение. Мужчина ощутил у себя на предплечьях по суровому, беспощадному захвату, увидел, как точно так же взяли двое в камуфляже женщину, и их обоих повлекли с середины вагона к тамбурной двери. Он думал, их сейчас выведут из вагона, но нет: его резко остановили, остановив и женщину, и так же резко развернули, обратив лицом ко вновь сомкнувшемуся посередине вагона кольцу охраны.

– Стой! Понадобись еще! – сказали в ухо мужчине. – Стой, ты! – слышал он, как так же в ухо сказали женщине.

А перед проводником в середине кольца стояла уже ева. Ее, едва начальник поезда отдал свой приказ, мужчина и ожидал увидеть. Только вот что же за вина была у нее?

– Перекись твою марганца! – потрясенно произнес над ухом мужчины голос охранника.

И вновь, еще не повернув головы, мужчина знал, кто это: адам.

Он повернул голову – и удостоверился: адам. Один из беспощадных железных захватов на предплечье был его.

– А? – произнес мужчина не без чувства удовлетворения. – И что будешь делать?

Впрочем, чувство удовлетворения имело отношение только к адаму. Не к еве. «Девочка!» – с ужасом прозвучало в мужчине, словно она была его дочкой, – когда понял, кто сейчас будет стоять на их с женщиной месте.

– Козел! – сказал адам в ухо мужчине, сжимая его предплечье с такой силой, что у мужчины в глазах вмиг встали слезы и он едва удержал себя от того, чтобы не вскрикнуть. – Ее-то за что?! Козел!

– Слушай! – сумел выдать из себя мужчина. – Смотри. Решай для себя. И не сжимай так руку!

Железный захват ослаб. Мужчина перевел дыхание и взглянул на женщину. Она смотрела на него, ждала его взгляда. В ее глазах он прочел: «И что? Что теперь?» «Ждем, что!» — так же молча, движением подбородка и глазами ответил он.

Проводник между тем, сидя на стуле в центре кольца охраны, продолжал исполнение возложенных на него обязанностей. Он снова задавал жирафу вопросы, а потом просил еву подтвердить его ответ или же опровергнуть. Он спрашивал жирафа о том его посещении купе вместе с американцем, когда там не оказалось мужчины. Жираф отвечал со старательной, скрупулезной детальностью. Как вошли. Кого увидели. Что говорили. Что делали.

Наконец, проводник удовлетворился его допросом. Или удовлетворился начальник поезда, дав проводнику некий сигнал из-за своей баррикады. Проводник поправил узел форменного галстука под замечательно отутюженным воротничком форменной рубашки, пробежался пальцами по пуговицам форменного пиджака — все ли застегнуты. Пуговицы были застегнуты все до единой. Форменный пиджак сидел на нем так влито, будто проводник прямо и родился в том.

— Н-ну! — произнес он, обращаясь теперь исключительно к еве. — И почему же вы с мужем не сообщили куда следует, что в поезде безбилетные?

— Я не знаю, я не думала... — пролепетала ева.

— Что вы не думали? Почему не думали?

— Ну, они потолкались... исчезли — и все...

— А вы разве не помните инструктажа при посадке? Вы были обязаны доложить о безбилетных независимо ни от чего.

— Да, я была обязана, — повинно согласилась с проводником ева.

— И почему же не доложили?

— Я забыла, — сказала ева.

Проводник позволил себе усмешку. Вернее, не смог удержаться от нее.

— Вы понимаете, что вы говорите? Отдаете себе отчет?

— Нет, — тупо ответила ева.

Одна из рук, державших мужчину, снова стиснула предплечье с такой силой, что от боли мужчине опять задернуло глаза слезами.

— Перекинь твою марганца! — жарким шепотом выдохнул над ухом адам.

— Вы обсуждали с мужем вопрос, докладывать или нет? — спросил проводник еву.

— Нет! — эхом отозвалась ева.

— Получается, он был с вами заодно?

— То есть? — переспросила она.

— Ну, чтоб не сообщать.

— В каком смысле? — вновь переспросила ева.

— Перестаньте дурочку из себя разыгрывать! — прикрикнул на нее проводник.

— Отвечайте: вы с мужем сговорились ничего не сообщать, так?

— Так, — подтвердила ева. — Сговорились. То есть нет! — тут же вскричала она.

— Не сговаривались! Не сговаривались, но не сообщили. Не знаю, почему.

Проводник выбросил перед собой запрещающим жестом руку:

— Не надо! Не оправдывайтесь! Вы признались! Признание сделано.

Рука адама, сжимавшая предплечье мужчины с силой чугунных тисков, разжалась. Мгновение — и мужчина увидел его уже стремительнодвигающимся к центру вагона, к кольцу охраны, в центре которого были трое: проводник на стуле и жираф с евой.

— Хватит! — кричал адам. — Довольно! Прекратите пытку! Она беременна, видите же!

Он не попал внутрь кольца — как, видимо, намеревался. Он даже не сумел приблизиться к тому: на нем гроздью повисли его товарищи, в таком же камуфля-

же, как он, мигом завернули ему за спину руки и пригнули к полу – так же, как тогда, при последнем посещении этого же вагона их начальник мужчину. Только тогда мужчина ведать не ведал, что жаркая масса, скрутившая его, – это их начальник.

Товарищи адама пригибали его к полу, он бился в их руках – и не мог вырваться, бился – и все бессмысленно, и тогда он завопил:

– Да я их, этих, я их так уделал! Я их! Этого особенно, америкашку! Я приемами каратэ! Они еле живы остались! Еле ноги унесли! Они на карачках уползли! Что о них докладывать было – я их взашей!..

– Заткните ему хайло, – донесся до мужчины тяжелый медлительный голос с другого конца вагона.

Адаму заткнули хайло первым же ударом. Те же его товарищи, что держали; без раздумий – тотчас, как было приказано. Но к первому удару незамедлительно был добавлен второй, ко второму – третий, четвертый, пятый... и когда мужчине в тесную прогалину между камуфляжным мельтешением открылось лицо адама, оно все было кусок сочащегося кровью парного мяса. Из щели рта у этого куска мяса вылетали и с легким веселым щелком падали на пол зубы.

Ева издала звук, похожий на икание, ее качнуло, она проделала в воздухе путь стекающей вниз синусоиды – и рухнула на пол в обмороке.

– Ссадить, – коротко произнес тяжелый медлительный голос из-за ощерившейся ножками столов и стульев баррикады.

Товарищи адама прекратили свое танцующее кружение вокруг него, подхватили его под мышки и споро поволокли к двери. Один борзо заскочил вперед, распахнул ее, впустив в вагон обвальный грохот колес, и держал створку, пока двое других с повисшим у них на руках адамом не протиснулись в тамбур. Потом он закрыл дверь. Грохот колес тотчас сделался глухо-далек.

Их не было не дольше, чем полминуты. Дверь вновь распахнулась, вновь наполнив вагон лязгающим грохотом, и товарищи адама один за другим вошли внутрь. Дверь закрылась. Адама с ними не было. На лицах вошедших играло то выражение благостного удовлетворения, какое бывает у людей, добросовестно выполнивших тяжелую, неприятную работу.

Один из них прошел к самой баррикаде, сложил в воздухе перед собой руки крест-накрест, подержал так миг и резко бросил в стороны.

Мужчина почувствовал, как у него дергается, вибрирует сухожилие под левым коленом, – невозможно стоять на ноге. «Поджилки трясутся», вспомнил он. Вот оно, значит, как они трясутся. Ему было страшно взглянуть на женщину. Но он не мог оставить ее сейчас без своей поддержки – хотя бы взглядом.

В глазах женщины стоял ужас. «Неужели?.. И нас тоже?!» – было смыслом этого ужаса. Мужчине хотелось ободрить ее. Покачать утешающе головой: ни в коем случае! Но у него не оказалось на это сил. Смотрел на женщину – и не мог пошевелить ни единой мышцей.

– Ну-ка поближе их сюда всех, – словно из тумана, донесся до него голос начальника поезда.

Руки, державшие мужчину, подтолкнули его: иди! И тотчас вибрирующее сухожилие подвело: нога, словно парализованная, не послушалась мужчины, – и он упал на колени.

Должно быть, он выглядел при этом забавно, – за баррикадой грохотнули молодецким смехом.

– Ладно, ладно, перестаньте, – пресек смех голос начальника поезда. – Волнуется человек, почему нет?

Мужчину потащили к баррикаде волоком. Так же тащили из вагона адама. Это сходство было нестерпимо, мужчина пытался идти сам, наступать на ногу, но та-

щившие влекли его с такой свирепой неудержимостью, что осуществить свое желание мужчине так и не удалось.

– Но вообще раньше следовало волноваться, – сказал мужчине начальник поезда, когда мужчина оказался перед баррикадой. – Раньше, да!

Теперь это был не просто голос начальника поезда, это был он сам. Его лицо с другой стороны баррикады стало видно совершенно отчетливо, и как же изменился начальник поезда с той поры, когда мужчина видел его в прошлый раз! И прежде в его лице была та самая безмерная, каменная тяжесть, что звучала в голосе, теперь у него было лицо самого камня: ни выражения, ни чувств, одна эта каменная тяжесть – и только.

Мужчина смотрел на начальника поезда и чувствовал в себе: пусть ссаживают. Что за смысл ехать дальше после случившегося. Пусть ссаживают.

Казалось, начальник поезда услышал его мысли.

– Что, – проговорил он, каменно поворачиваясь влево, вправо – обращаясь к остальным, сидевшим с ним с той стороны баррикады, – что с ними делаем? Ссаживаем?

Ответом ему раздался согласный гул:

– Ссаживаем! Ссаживаем! Ссаживаем!

И, задержавшись, отстав от других голосов, догнал их еще один голос:

– Ссаживаем...

Мужчина вздрогнул. Это был голос сына. Он зашарил глазами по сидевшим там, с той стороны баррикады, – и нашел: сын располагался рядом с начальником поезда, первым слева от него, сын теперь был крупной величиной, невероятно крупной – можно гордиться!

Что ж. Действительно настала пора ссаживаться. Друг предал. Сын предал. Что за смысл ехать дальше.

Мужчина потянулся рукой – взять руку женщины в свою, как там, в вагоне во время обыска, только тогда другой рукой он еще держал руку несчастной беременной девочки, что лежала сейчас в беспомощности, но ему не удалось дотянуться до руки женщины: железные тиски на предплечье сжались – и не позволили ему сделать это.

Начальник поезда повернулся в сторону сына и поманил пальцем наклониться к нему.

– За зверя меня считать не нужно, – выговорил он, когда его повеление было сыном исполнено. – На ходу ссаживать не будем. Остановим поезд. Специально.

Лицо сына было едва не таким же каменным, как у начальника поезда. Ни мускула на нем не дрогнуло. Только разжались губы.

– Спасибо, – произнес он коротко.

– Спасибо! – прихрюкнув разбитым носом, низко согнул шею жираф.

Начальник поезда отрицательно поводит в воздухе рукой.

– Тебя не касается. Этого, с шеей, – нашел он взглядом того, массу, начальника охраны, – его на чучело. Пусть стоит, ресторан украшает.

Жираф рухнул на колени. Из глаз его рванули слезы. Обильно, неудержимо, настоящим потоком.

– Помилуйте! – пронзительно завопил он сквозь рыдания. – Помилуйте!.. Ведь мне же было обещано, я все рассказал... Ссадите меня тоже! Ссадите... Там зима, мороз, я теплолюбивое животное, мне там и так конец... но только чтобы не чучелом!..

Начальник поезда каменно покачал головой.

– Зачем же добру пропадать. Вон у тебя какая знатная шкура. Послужи людям.

Жираф завопил диким, истощным голосом, попытался подняться с коленей, но масса дал знак, на жирафа навалилось столько – его не стало видно под камуф-

ляжем. Опрокинули на пол, завжикали в воздухе сыромятными ремнями, связывая ноги...

Женщина закрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Ей сейчас хотелось так же, как эта беременная девочка, упасть в обморок – и тьма.

Мужчина кивком головы указал на лежавшую у них за спиной беременную:

– А она? Что с ней?

– Она нам здесь что, – сказал начальник поезда, – нужна?

14

Поезд угрохотал во тьму, повисели в воздухе красные огни последнего вагона – как напоминание об утраченной жизни, растворились вслед за звуком поезда в окружающем неизвестном пространстве, и мужчина с женщиной, да беременная девочка с ними, еще бывшая без сознания, остались с этой тьмой наедине. Тишина, навалившаяся на них, имела плотность атомного ядра. Она давила на барабанные перепонки с такой силой – казалось, ее невозможно выдержать.

– Надо идти к жилью, – чтобы избавить себя от тяжести оглушающей тишины, проговорил мужчина.

– Умная мысль, – отозвалась женщина. – Только где оно?

В самом центре, над головой, небо было чисто, ни единого облачка, звезды катились по нему крупными мохнатыми жуками, и снег, лежавший на земле, отражая их свет, наполнял воздух слабым, мглистым сиреневым свечением. Вокруг, сколько хватало глаз, был один этот снег, снег, снег, темные сгущения деревьев на нем, и ни признака огонька, говорящего о жилье. Их высадили в чистом поле, вдали от всякого жилья – может быть, за километры и километры или даже десятки километров от него.

И еще мороз. Не слишком крепкий, но все же мороз, и ясно было: не двигаться – скоро превратишься в ледяной столб.

– Пойдем вдоль пути, – сказал мужчина. – Какая-нибудь станция рано или поздно должна быть. Вот только привести девочку в чувство.

Они с женщиной, не сговариваясь, глянули на нее – и увидели: девочку уже не нужно было приводить в чувство, она уже пришла сама. Видимо, только-только, лежала, глядела в круглую звездную прогалину над собой и, похоже, еще не успела осознать, что с ней произошло и где она.

– Привет, милая, – склоняясь к ней, произнесла женщина – с той нежной силой, которая прорезается у женщин в обращении с детьми и больными.

– Нас что, ссадили с поезда? – разомкнула губы бывшая ева, ставшая для них теперь просто беременной девочкой.

Оказывается, она все осознавала.

– Ссадили, – коротко отозвался мужчина.

– А он? – снова прошевелила она губами.

Мужчина с женщиной переглянулись. Отвечай ты, что хочешь, прочел мужчина (скорее, догадался, чем прочел) в ее взгляде.

– Его нет с нами, – сказал он.

Девочка попыталась приподнять себя на локтях.

– Но он... он?... – запинаясь, выговорила она.

– Мы втроем, милая, – словно это было необычайно хорошо, что они втроем, ответил мужчина. – Вот мы двое. И ты.

Девочка рухнула обратно на подстилку – так удачно прихваченный женщиной из тамбура кусок старой, затоптанной ковровой дорожки, – и лицо ей перекутила судорога рыдания.

– Я так не хотела, чтобы он шел в охранники! Так не хотела!

Мужчина и женщина молчали. Что они могли ответить ей?

Немного спустя лицо девочки стало выглаживаться. Она издала еще несколько трубных звуков, и слезы у нее остановились. Поразительно быстро пришла она в себя. Словно была закаленной в таких делах.

– Его ссадили, не останавливая поезда? – выделив голосом «ссадили», спросила она, одновременно садясь на своей подстилке.

Мужчина с женщиной снова переглянулись. Вопрос девочки был еще поразительнее, чем то, как скоро она пришла в себя.

– Почему ты так предполагаешь? – осторожно проговорила женщина.

– Так да, нет? – требовательно спросила девочка.

Она остановила свой взгляд на мужчине, и ему не оставалось ничего другого, как возложить скорбную миссию на себя. Да, милая, прикрыв глаза, молча подтвердил он.

Он, отвечая, прикрыл глаза, девочка после его ответа глаза закрыла. Закрыла и некоторое время сидела так, покачиваясь из стороны в сторону. Потом прекратила раскачиваться и открыла глаза.

– Я так и знала, – произнесла она.

– Откуда ты знала? – быстро, с испугом спросила женщина.

Девочка медленно подняла к ней взгляд и произвела на лице нечто вроде усмешки:

– Это вы ничего там в поезде не знаете. А мы ко всему готовы.

– Кто «мы»? – Мужчина хотел воздержаться от вопроса – и не сумел удержать себя от него.

– Мы, кто недавно сели.

– И к чему готовы?

– Ко всему, – отрезала девочка. И стала вставать. – Вы можете мне?

– В чем?

Мужчина и женщина задали свой вопрос одновременно. Прежде бы они непременно расхохотались над этим и вдоволь по этому поводу нашутились, но уж какое веселье было сейчас?

– Помочь похоронить, – ответила девочка. – Каждый человек должен быть похоронен. Я не могу оставить его лежать просто так.

Мужчина с женщиной переглянулись в очередной раз. Думай, как поступать, прочел мужчина в ее взгляде.

– Как же мы его найдем, милая? – сказал он. – Мы даже не знаем, где это случилось.

– Мы пойдем вдоль колеи, – сказала девочка. – С двух сторон. И будем смотреть. Ведь вы же все равно собирались идти вдоль колеи к жилью.

Оказывается, когда они с женщиной говорили об этом, она уже не только осознавала, что с ней, но и все слышала и понимала.

– Что ж, – согласился мужчина, – ты права: все равно идти вдоль колеи. Так не все ли одно, в какую сторону. Пойдем откуда приехали.

– Но если раньше будет станция, на станции мы сделаем остановку, – сказала женщина. – Тем более что у нас нет никакого инструмента, чтобы вырыть могилу. Нам в любом случае нужно сначала к жилью!

– А еще можно пойти по хорде, – как не услышав женщины, словно продолжая договаривать прежние свои слова, произнесла девочка. – Тогда мы очень экономим в расстоянии и силах.

Мужчина не понял.

– По какой хорде? – спросил он. – При чем здесь хорда?

– При том. Ведь вы же сами говорили о дугах. Я слышала. Значит, тоже знаете. А вы ученые. Сможете рассчитать.

Мужчина не понимал, что она говорит. Ровным счетом ничего не понимал.

– Что рассчитать? Что я знаю?

– Не прикидывайтесь. То, что мы едем по кругу. Вы же сами говорили: по дугам.

Молниевая вспышка прошла мужчине. Сотрясла его с ног до головы. Конечно! Он не посмел додумать эту мысль до конца, он остановился, можно сказать, на ее пороге, а то были не дуги, вернее, не просто дуги, а часть единой окружности! Они мчались по кругу, по кругу, и сын это знал, как знали все остальные из вагона управления, и еще зачем-то увеличивали скорость! И вот почему они не боялись столкновения: потому что сталкиваться было не с кем! Они были одни на этом круговом пути. Они одни – и никого больше. А тот мост над оврагом, так мучивший женщину, мешавший ее сну, – это, получается, все один и тот же мост!

– Ну! – понукула мужчину девочка. – Скорость поезда вам известна. Время, которое прошло, как ссадили его и нас, – тоже. Кривизну пути возьмете среднюю. Что вам рассчитать длины отрезков?

– Так вы, значит, знали, что мы по кругу?! – потрясенно воскликнул мужчина.

– Знали, конечно. – В голосе девочки прозвучала интонация превосходства. – Это только вы, в поезде, не имели понятия. А мы знали. Только об этом говорить было не положено.

– По кругу! Значит, по кругу! – Мужчина никак не мог прийти в себя. Он посмотрел на женщину. – А когда мы садились, ты помнишь, ведь не по кругу было! И две колеи. Стрелок было полно: в ту сторону, в эту, в третью!..

– Да, полно стрелок, – подтвердила женщина. Она тоже была потрясена, не меньше мужчины. – Не по кругу, точно, что не по кругу!

– Ну хватит об этом! – Девочка не просто прикрикнула, а и притопнула ногой. О, она чувствовала, что она для них уже не та, прежняя ева, что они уже совсем по-другому относятся к ней, и чувствовала свое право командовать ими. – Идем по хорде? – властно спросила она мужчину.

Мужчина был вынужден вынырнуть из своего шока.

– По какой хорде, – сказал он. – Вдоль пути – снег весь сметен, а так, как ты предлагаешь, – сразу в снегу утонем.

Девочка вместо ответа соскочила со своей подстилки, на которой топталась все это время, и скоро пошла в сторону от путей, в целинный снег. Она шла, шла – десять метров, пятнадцать, двадцать, – а снег под ногой у нее все не проваливался, не проваливался, только пуржился на каждый шаг пушистый и совсем неглухой слой свежеснежного.

– Видели? – остановившись, крикнула девочка и так же скоро пошла обратно. – Здесь нигде не провалишься, – сказала она, подходя. – Здесь лед. У нас ведь теперь нет лета. Какое лето, когда без солнца. Вечная зима. Разве что оттепели. Снег уплотняется и становится льдом. Иди куда пожелаешь. И нет необходимости тратиться на строительство шоссейных дорог.

– Вечная зима? – переспросила женщина. Голос у нее дрожал.

– А похоронить, я знаю как, – не отвечая ей, продолжила девочка. – Без всякого инструмента. – Она протянула руку к мужчине: – Спички у вас есть?

– Зажигалка, – ответил он.

– Нормально, – одобрила девочка.

15

Мужчина ошибся в расчетах на какие-нибудь полкилометра. А может быть, не совсем точно сориентировался, и они просто уклонились от нужного направления. Во всяком случае, полкилометра – это была замечательная точность.

Лицо адама невозможно было узнать – так его изуродовало при падении. Но это был он, кто еще. И его одежда. Он лежал, разметав в стороны руки, уже оконченел, и сколько мужчина ни пытался свести руки на груди, ничего у него не вышло.

– Ломайте кустарник, наваливайте побольше кучу. Много-много тащите кустарника, – велела мужчине девочка.

Мужчина понял, как она хочет похоронить. Растопить лед, чтобы образовалась полынья, и опустить в нее адама. Потом мороз схватит воду, снова превратит ее в лед, и адам окажется замурован в нем. Откуда она узнала о подобном способе? А следом он догадался: так теперь хоронили всех!

Костер запылал, подняв вверх многометровый хвост пламени, мужчина навалил рядом с ним еще целую гору хвороста и пошел подальше от женщин, на другую сторону железнодорожного полотна освободить мочевого пузырь.

Костер полыхал так ярко, так мощно освещал пространство вокруг себя, что мужчине казалось, он виден женщинам и с этого расстояния, и с этого, и все шел, шел дальше от колеи, уже и понимал, что не может быть виден, а шел. Он не отдавал себе отчета, что за сила ведет его, потом осознал: любопытство.

Земля под ногами неуклонно шла вверх. И все круче, все круче, и по тому, как темнела даль впереди, как тьма там сгущалась, густо чернела, было ощущение, там уже не снег, не белое пространство, а голая земная твердь, безвозвратно поглощающая слабый свет звезд над головой. Мужчина оглянулся. Костер казался малой точкой. Женщины никак не могли увидеть его, – это уж точно.

Мужчина остановился. Совершил необходимые манипуляции и, глядя в сторону костра, расслабил мышцы.

И тут, освобождаясь от ненужной организму жидкости, мужчина осознал: костер не просто далеко, а еще и далеко внизу. Так далеко, что между костром и ним – перепад уже в несколько десятков метров. Что это было у него под ногами? Холм? Гора?

Мужчина застегнулся и снова повернулся к костру спиной. Даль впереди сгущалась в непроницаемый мрак. Любопытство уже не мучило мужчину – сжигало. Холм это или гора, в любом случае, взобравшись наверх, можно будет увидеть далеко окрест, сориентироваться по огням, где жилье и, значит, в какую сторону отправляться после похорон.

Торопясь, он пошел вверх. Склон становился все круче. Некоторое время спуская на сплошной прежде белой голизне под ногами стали проступать черные плечи. Мужчина наклонился и потрогал одну, другую. Это, несомненно, была земля.

Потом плешинами стало белое. Оно исчезало, уступая место аспиду земных пород. Склон был уже такой крутой, что снег здесь просто не мог удерживаться. И уже приходилось больше карабкаться, чем идти. А там пришлось уже только карабкаться.

Когда мужчина вновь оглянулся назад, он не увидел никакого костра. Костер стал теперь такой микроскопической точкой – его, наверно, можно было разглядеть лишь в сильный бинокль. Зато взору мужчины открылось другое. То, что он хотел увидеть – и не очень верил в это; но и много больше того.

Светились огнями большие и маленькие города, поселки, села, деревни и, огибая их, нанизывая их на себя, словно ожившая нитка жемчуга, беззвучно резал пространство поезд. И отсюда, сверху, траектория его движения обозначала себя с недвусмысленной ясностью. Мужчина наблюдал, наблюдал за его нитью – и видел: вот поезд двигался под углом к нему, вот его жемчужная нитка вытянула себя перед ним во всю длину – наверняка промчавшись мимо невидимых ему женщины и девочки, жегших костер, обдав их мощным потоком взвихренного воздуха,

оглушив железным биением колес о рельсы, – и вот поезд начал двигаться в обратную сторону, под углом от него, и угол этот все увеличивался, увеличивался...

Следовало возвращаться. Слишком он далеко ушел. Слишком долго уже отсутствовал.

Мужчина принялся разворачиваться лицом к склону, чтобы начать спуск, и взгляд его мазнул по небу. Мазнул – и скользнул вниз, на склон, куда единственно и должно было смотреть, чтобы спускаться вниз. Но тут же глаза запросились вновь устремиться к небу. Что-то в нем было странное. Что-то *не то*. Оно было не такое, каким они с женщиной увидели его, когда их ссадили с поезда.

Тогда оно было непроглядно-черным и в самом центре, в круглой, будто вырезанной по циркулю, прогалине между облаками, полно звезд – ярких, крупных, мохнатых, – сейчас звезд не было ни одной и, хотя облака по-прежнему черно и глухо затягивали небо по периметру, прогалина в них непонятно посветлела – как бы наполнилась самым первым предрассветным солнечным светом, который и изгнал звезды с небесного купола.

Это было что-то невыносимое. Откуда вдруг взялся рассвету, когда тьма стояла уже годы и годы? Когда земля вокруг взялась антарктическим льдом?

Догадка, пронзившая мужчину, показалась ему столь безумной, что он не поверил себе. Заставил себя не поверить. Но и не мог уже удержаться себя от того, чтобы не проверить ее.

Вместо того, чтобы начать спускаться, мужчина полез дальше вверх.

Он лез и старался не смотреть на небо. Еще немножко, еще чуть-чуть, говорил он сам себе. Он стремился уйти от места прежней остановки как можно дальше. Чтобы перепад высот оказался как можно больше. Чтобы сравнить так сравнить, чтобы наверняка, чтобы никаких сомнений. Он уже выбился из сил, он лез уже через силу, но все равно твердил себе: еще немного, еще чуть-чуть.

Наконец, он сдался. Остановился, перевел дыхание. И вскинул голову.

Небо над головой было восхитительного голубого цвета. Чистейший ультрамарин, тронутый с одного из боков пронзительным золотом солнечных лучей. А то, что они с женщиной внизу принимали за границы облачной массы, было на самом деле краями гигантской впадины, теряющейся своим дальним концом в сизой дымке. Вот отчего звезды были видны лишь в центре небесного купола: потому что смотрели на них со дна этого провала!

Мужчина глянул вниз. Под ногами была черная чаша. Непроглядная тьма, дышавшая вечным холодом. И уже невозможно было разглядеть никаких огней: ни огней жилья, ни огней поезда, с бешеной и все возрастающей скоростью нарезающего свои бесконечные круги.

Мужчина перевел взгляд на руки. И понял: еще карабкаясь, он знал, что увидит. Потому что, карабкаясь, уже давно видел руки со всею отчетливостью, как не видел их во время прошлой остановки. Пальцы были сбиты в кровь, в карминных коростах на костяшках, ногти обломаны, – он все это видел уже давно.

Дыхание его восстановилось, вернулись силы, и мужчина полез по склону дальше вверх. Он понимал, что нужно вниз, что там его ждут, потеряли и паникуют, отдавал себе в том отчет – и был неволен остановиться.

Солнце осветило его, когда мужчина находился еще на склоне. Оно появилось из-за края провала, ударило ему в глаза – и ослепило его, помутило сознание, он едва удержался, чтобы не сорваться, не загреметь вниз. Если бы сорвался – летел бы уже до самого дна, и что бы прилетело туда вместо него? Какой невероятной глубины был провал. Бездна!

Последние метры мужчина одолевал, ничего не видя, не чувствуя, не понимая. Пот заливал глаза, пальцы рук онемели, ноги отнимались. Он вывалился наружу и, извиваясь, привставая на четвереньки, пополз от края бездны, – как червь,

как пресмыкающееся, как четверолапое насекомое. Отполз – и уронил голову на землю, потерял сознание.

Сколько он так пролежал, мужчина не знал. Он пришел в себя, сел – и огляделся.

Была середина дня, солнце стояло почти в зените. Прекрасное, благословенное лето царствовало в природе. Цвели, ходили волнами под легким теплым ветерком травы и полевые цветы, воздух был напоен их ароматом, жужжали пчелы, перелетая с одного разноцветного Божьего создания на другое, собирая в мохнатые брюшки сладостный нектар, чтобы превратить его к концу лета в живительный мед, гудели жуки, шелестели бабочки. Промчался, сотрясши землю, в какой-нибудь сотне-другой метров от мужчины скорый пассажирский поезд. Окна его были распахнуты, у окон стояли, смотрели на окружающий теплый, солнечный мир люди – незнакомые, чужие, далекие.

Рыдание сотрясло мужчину, и его вновь бросило на землю. Он все понял. Ему все сделалось ясно – как если б внутри него открылось некое хранилище знания.

Их поезд когда-то сошел на круговую дорогу – и так и остался на ней. Он резал и резал по ней, давил и давил на ее полотно, то под тяжестью поезда стало проседать, уходить вглубь, утаскивая с собой прилегающее пространство земли, и никто этого не заметил, не спохватился. А когда, наверное, спохватились, было уже поздно. А вернее, не спохватились. Так и продолжали резать по кругу, старательно делая вид, будто ведут поезд к некоей цели, к некоему конечному пункту, название и месторасположение которого известно лишь им одним. Куда ушла жизнь! И даже просвещенные новые поколения, полагающие, что от них ничего не скрыто, печально обманываются. От них не скрыли лишь очевидного. Главное осталось для них неведомо.

Мужчина рыдал и не мог остановиться. Слезы выворачивали его наизнанку. На что ушла жизнь! И ведь все, что случилось, – уже безвозвратно. Уже не поднять дорогу сюда наверх, не перевести стрелку, не вернуться в этот теплый земной мир... И здесь, конечно, грохочут грозы, ревут ураганные ветры – бушует стихия, а на смену зеленому лету приходит ледяная зима, но ведь зима здесь не вечна, сколько бы ни тянулась, вслед за нею непременно и неизбежно наступает весна!

Что-то теплое и мягкое толкнуло мужчину в висок. Прикосновение было неожиданным, сотрясло мужчину судорогой произвольного испуга, вмиг оборвавшего рыдания, он быстро встал на коленях и увидел перед собой щенка-кутенка. От поведения предмета, казавшегося неподвижным, тот насмерть перепугался сам, отлетел от мужчины метра на два, но любопытство, заставившее его понюхать мужчину, не позволяло отбежать подальше, и он, в готовности, если надо, все же бежать без задних ног, сидел смотрел, наклонив голову, на мужчину – словно ждал от него какого-то нового необыкновенного поступка.

– А-ах ты! – успокаиваясь, проговорил мужчина. – Вот ты кто...

Лохматая, в шарах свалывшейся больной шерсти выкатилась из зарослей травы взрослая собака. Остановилась перед мужчиной, загородив собою щенка, и, припадая на передние лапы, залаяла. Злобно ощеривая пасть, поднимая шерсть на загривке. Отлаявшись, она схватила щенка в зубы, повернулась и, взволновав на мгновение вокруг себя траву, моментально исчезла в ее море. Похоже, это была какая-то бездомная сука и где-то неподалеку находилось ее жилище.

– А-ах ты! – снова, протяжно произнес мужчина, вытирая рукавом мокрое от слез лицо.

Но теперь это «ах ты!» имело совсем другое значение.

Он поднялся во весь рост и, не оглядываясь, быстро пошел обратно к черневшему ужасным адским провалом котловану. Заглянул в него, отшатнулся, постоял так короткий миг и опустил на колени, лег на живот, полез ногами вперед по

собственному следу обратно в черную преисподнюю. Девочка исполнила свой долг и, наверно, уже похоронила отца носимого ею ребенка. Теперь надлежало исполнить свой долг ему. Его жизнь была там, внизу. С женщиной, с девочкой, которой предстояло скоро родить. Он чувствовал себя ответственным перед ними. Перед ними обеими. Словно был девочке отцом. Жить, сколько осталось, нужно было там.

И еще нужно было рассказать там, внизу, о том, что он видел и понял здесь, наверху. Это тоже был его долг. Теперь ему были понятны и слова американца – тогда, в тамбуре – о Помпеях и Этне...

Когда от солнца, заглядывающего к нему в котлован, осталась маленькая горбушка, на которую можно было, не опасаясь сжечь глаз, смотреть, мужчина остановился и взглянул на нее. Ему требовалось напитаться солнцем, набрать его в себя столько, чтобы воспоминание о нем поддерживало его и укрепляло силы. Путь вниз обещал быть не легче, чем наверх. И он вовсе не был уверен, удастся ли ему увидеть солнце когда-нибудь вновь.